

350
с-24

ЗАПИСКИ

Дмитрія Николаевича Свербесова.

(1799–1826.)

Томъ I.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

6653 М

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

6653

МОСКВА.

Типо-литогр. Товар. И. Н. Кушнеревъ и Пименовскъ
1899.

каждой стороны проекты и преднамѣренія; строго съблюдаемый мною вооруженный нейтралитетъ меня сначала забавлялъ и тѣшилъ, и я позволялъ себѣ иногда нарочно проговариваться въ разныхъ кружкахъ какогонибудь тѣснаго общества и, имѣя въ рукахъ нити сплетаемыхъ въ немъ сѣтей, за вѣрное предсказывать какія-нибудь будущія послѣдствія. Случалось однако, что непрошенное открытие мнѣ чужихъ тайнъ ставило меня въ затруднительное положеніе, оттого приходилось часто упрашивать многихъ не быть со мною черезчуръ откровенными.

Въ серединѣ лѣта возвратился я въ Москву вмѣстѣ съ Василиемъ Обресковымъ и тотчасъ же занялся, по порученію тетки Елены Яковлевны, продажей нашего московскаго дома и объѣздомъ всѣхъ моихъ профессоровъ, чтобы получить университетскій мой аттестатъ.

Черезъ посредство архитектора Мироновскаго проданъ былъ домъ за 55,000 асс., — цѣна, по тогдашнему, порядочная, хотя при этомъ домѣ на двѣ улицы, Большую и Малую Никитскую, было огромное пустопорожнее мѣсто, на которомъ теперь выстроили еще два или три особенные дома. Подписавъ крѣпостной актъ на продажу дома, тетка поручила мнѣ выдать оный покупщику, получить отъ него деньги и внести ихъ въ московскую сохранную казну.

Осеню 1817 года изъ проданнаго дома перѣехали мы съ тетушкой въ небольшой, нанятый мною домикъ Василия Обрескова, почти рядомъ со Спиридоновскою церковью. Весь этотъ грязный кварталъ назывался «Козимъ болотомъ», или попросту «Козихой», тамъ былъ притонъ разврата, отчего и название улицы сочли непристойнымъ и переименовали ее Спиридоновкой. Въ этотъ же годъ осенью выбрали меня въ

члены англійскаго клуба по предложенію доброго нашаго пріятеля Иванова; я былъ юнѣйшимъ изъ всѣхъ членовъ этого почтеннаго собранія, пользовавшагося, особенно въ провинціи, великою извѣстностью. Единственный черный шаръ на баллотировкѣ меня въ члены положенъ мнѣ былъ двоюроднымъ мнѣ дядей по матери, Алексѣемъ Андреевичемъ Кикинымъ, постояннымъ московскимъ жителемъ, крупнымъ игрокомъ и ежедневнымъ посѣтителемъ клуба. Испытавъ на себѣ всѣ страстныя увлеченія карточной игры, онъ противился выбору въ клубъ 17-лѣтняго юноши, и при первомъ моемъ появленіи въ клубъ выразилъ открыто свое негодованіе. До того времени я бывалъ у него разъ или два въ годъ съ праздничными визитами; меня пугала великосвѣтская его и въ то же время праздная жизнь игрока, и еще болѣе смущала своимъ кокетствомъ и оригинальной живостью обращенія хорошенькая его жена, урожденная Повало-Швейковская; но, увидѣвъ меня въ клубѣ кончающимъ свое образованіе, этотъ дядя заставилъ меняѣздить къ нему часто, а красавая его барыня успѣла побѣдить мою дѣкость и привлечь своею любезностью. Рѣшено было мною къ концу 1817 годаѣхать въ Кишиневъ, главный городъ Бессарабской области, чтобы тамъ занять приготовленное мнѣ мѣсто въ гражданской канцеляріи полномочнаго намѣстника Бахметева.

Выйти изъ университета кандидатомъ было невозможно за пріостановкой всѣхъ экзаменовъ, и я началъ свои объѣзды профессоровъ для испрошеннія у нихъ аттестатовъ. Всегда отличавшій меня Сандуновъ далъ мнѣ длинный, краснорѣчивый отзывъ о моихъ юридическихъ свѣдѣніяхъ и благословилъ на вступленіе въ государственную службу, обѣщая великие успѣхи на этомъ

попришѣ. Человѣкъ онъ былъ умный, а пророкъ вышелъ плохой. Профессоръ латинской словесности управлялъ меня никогда не оставлять древней литературы, и это не удалось. Всѣ прочіе, и особенно Мерзляковъ, Каченовскій, и съ своимъ славянскимъ языкомъ Гавриловъ, отзывались благосклонно, но вотъ что было у меня съ Шлецеромъ. Онъ жилъ на Дѣвичьемъ полѣ, во флигелѣ дома князя Щербатова, гдѣ теперь живетъ Погодинъ. Лихо подвезъ меня къ нему красивый мой кучеръ Михайло на великолѣпной парѣ. Какой-то пожилой человѣкъ сидѣлъ на крыльцѣ; я съ презрительной отвагой спросилъ у него: «тутъ ли живетъ г-нъ Шлецеръ?» Онъ смиренno ввелъ меня въ первую комнату и оказался самимъ профессоромъ. Во всѣ три года былъ я у него всего разъ пять, а потому и не узналъ его, Шлецеръ же и совсѣмъ меня не зналъ; началъ справляться по своимъ листамъ и не находилъ моего имени. Онъ всегда былъ какимъ-то запуганнымъ и съ товарищами своими и съ студентами, и «не смѣя», какъ онъ выразился, обижать меня сомнѣніемъ въ посѣщеніи его лекцій и знаній его предмета, даъ мнѣ отличный аттестатъ. Честный человѣкъ былъ этотъ нѣмецъ! Ободренный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ отправился я за аттестатомъ къ профессору физики Дvigубскому, котораго лекціи посѣщалъ я очень рѣдко, а изъ физики его не зналъ ни аза; у него встрѣтилъ я пріемъ другого рода. «Я, ни аза; у него встрѣтилъ я пріемъ другого рода. «Я, любезный мой, тебя совсѣмъ не знаю». — Извольте посмотреть въ спискахъ. — «На что мнѣ списки? Приходи-ка завтра на лекцію, я тебя проэкзаменую». Дѣло плохо! Мнѣ не хотѣлось оставаться безъ аттестата въ физикѣ, и я поднялся на штуки; пошелъ въ палаты казенныхъ студентовъ, обратился къ старшимъ и лучшимъ фи-

зико-математического факультета и просилъ у нихъ совѣта и помощи. Они отвѣчали: «Приготовляться тебѣ къ экзамену нѣкогда, ты вѣдь ничего не знаешь, и какъ угадать, о чёмъ онъ спроситъ? Садись на первой лавкѣ съ нами двумя, и мы тебѣ будемъ подсказывать». Не безъ страха вошелъ я на другой день въ обширнѣйшую изъ всѣхъ нашихъ аудиторій и сѣлъ между двумя покровителями. Передъ каѳедрой на длинномъ столѣ стояли какія-то банки стеклянныя; покровители сказали мнѣ, что это Лейденскія. Профессоръ, усѣвшись, вызвалъ меня и началъ разспрашивать именно объ этихъ Лейденскихъ банкахъ; я могъ ему отвѣтить только о банкахъ съ вареньемъ и очень смутно, сбивчиво, безтолково и несвязно повторялъ слова, которыя мнѣ на ухо повторяли мои покровители. «Да ты, мой другъ, ровно ничего не знаешь и не можешь отвѣтить, хоть тебѣ и подсказываютъ; стань-ка передъ столомъ и объясни мнѣ самый простой опытъ, какъ заряжаютъ эти банки?» Я подошелъ къ столу... «Ну, что же?» Тутъ слышно было одно молчаніе. Молоденькие студентики начали смѣяться, и профессоръ рѣшительно объявилъ, что аттестата мнѣ никакого не будетъ и чтобы я удалился. Мнѣ стыдно было выйти послѣ такого пораженія, и я, подходя къ выходной двери, надѣлъ шляпу и громко сказалъ: «Да мнѣ аттестата вашего и не нужно, у меня и безъ него много». Подобная выходка чуть-чуть не оставила меня совсѣмъ безъ аттестата. Покровительствовавшіе мнѣ профессора вступились за меня у ректора Антонскаго, и сей великий мужъ, такой же невѣжда-профессоръ по всѣмъ предметамъ, какимъ я былъ въ физикѣ, уговорилъ Дvigубскаго дать мнѣ и отъ себя аттестатъ. Антонскій читаль, но очень рѣдко, и то оставаясь на каѳедрѣ

по четверти часа, «Сельское Хозяйство» и какую-то «Энциклопедию» и решительно не смыслилъ ничего въ этихъ двухъ наукахъ, если онъ наукъ, но имъ дорожили, какъ главнымъ директоромъ университетскаго благородного пансиона, въ которомъ подъ его великимъ руководствомъ воспиталось и образовалось нѣсколько поколѣній, какъ-то: Блудовъ, Дашковъ, Жуковскій, братья Тургеневы, князь Одоевскій *), Шевревъ, Титовъ и такъ далѣе.

Итакъ, я съ аттестатомъ и въ хлопотахъ и въ сбояхъ на пути въ Бессарабію, жду только писемъ къ Бахметеву отъ Обрескова и сестры его Николевой. Радумается, какъ и всегда, нѣкоторые изъ моихъ близкихъ знакомыхъ одобряютъ выбранный мною родъ службы, другіе же находятъ, что я напрасно забираюсь въ такую даль. Въ числѣ послѣднихъ новый мой дядя Кикинъ, любившій покровительствовать и при всякомъ удобномъ случаѣ проповѣдывать высокую нравственность и всякую добродѣтель, возсталъ противъ моей поѣздки и намѣренія служить у Бахметева. Онъ съ обычнымъ своимъ жаромъ, часто доводившимъ его до какого-то изступленія, говорилъ мнѣ сперва наединѣ, а потомъ и при своей женѣ и, наконецъ, при своихъ гостяхъ, что мнѣ въ мои лѣта и въ моемъ довольно независимомъ во всѣхъ отношеніяхъ положеніи непристойно и постыдно пользоваться покровительствомъ пріятельницы моего дяди. Я, несмотря на свойственное мнѣ равнодушіе ко многому, отчасти находилъ его слова справедливыми, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ при его мнѣ совѣтахъ держались его мнѣнія. Кикинъ хотѣлъ непремѣнно настоять и раза два вопросъ о моей службѣ ставилъ онъ ^{за}

* См. Приложенія, ст. V.

картами, между двумя партіями, предметомъ разговора въ кружкѣ клубскихъ своихъ пріятелей.

Въ это время въ Москву ожидали прибытія государя съ двумя императрицами и другими членами Императорской фамиліи. Съ государемъ долженъ быть пріѣхать не на долгое время статсь-секретарь комиссіи прошеній Петръ Андреевичъ Кикинъ, братъ московскаго. «Ступай лучше служить къ брату», говорилъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ, «это будетъ честнѣ». Наконецъ убѣдился и я, что это будетъ честнѣ, написать дядѣ и Николевой о сдѣланномъ мнѣ новомъ предложении и получилъ отъ нихъ разрѣшеніе.

Въ октябрѣ весь Дворъ переселился изъ Петербурга въ Москву на цѣлую зиму, и меня перевели изъ канцеляріи московскаго гражданскаго губернатора, гдѣ я числился на службѣ, въ канцелярію статсь-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя. Изъ многочисленной этой канцеляріи только трое чиновниковъ пріѣхали въ Москву съ статсь-секретаремъ. Старшимъ былъ коллежскій совѣтникъ Дьяковъ, покровительствуемый извѣстнымъ въ кругу набожныхъ людей дядей, архимандритомъ Ростовскаго монастыря, отцомъ Амфилохиемъ. Этотъ чиновникъ въ началѣ царствованія Николая Павловича подвергся справедливой опалѣ. Его уличили во взяточничествѣ, и только участію благочестивой Анны Алексѣевны Орловой обязанъ онъ тѣмъ, что его не сослали на поселеніе. Николай Ивановичъ Бахтинъ, впослѣдствіи государственный секретарь, а потомъ и членъ государственного совѣта, и А. Л. Гофманъ, не менѣе впослѣдствіи важный сановникъ, были новыми моими товарищами по службѣ. Они были немногими годами меня старше и въ такомъ же, какъ

и я, ничтожномъ, первоначальномъ чинѣ. Наша канцелярія помѣщалась на Кисловкѣ, въ огромной залѣ нижняго этажа дома Ланге; въ ней въ два пріемные днѧ въ недѣлю становилось тѣсно отъ множества просителей. Всего болѣе приходило съ просьбами на Высочайшее имя о помоши послѣ московскаго разоренія; такихъ просителей обращали мы въ нарочно образованный комитетъ для разоренныхъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго министра юстиціи, поэта Ивана Ивановича Дмитріева. Просьбы на имя государя по тяжѣбнымъ дѣламъ отсылали въ Петербургъ для производства и доклада общему присутствію комиссіи прошеній. Прошенія особенной важности, представляемыя статсь-секретарю въ пакетахъ съ надписью: «въ собственныя Его Императорскаго Величества руки», представлялись лично Кикинымъ государю и большою частью переходили отъ Его Величества къ графу Аракчееву. Нашъ начальникъ имѣлъ каждую недѣлю у государя свой докладъ. По множеству получаемыхъ просьбъ въ пакетахъ безъ надписи: «въ собственныя руки», всѣ мы трое, Бахтинъ, Гофманъ и я, ихъ распечатывали и прочитывали, надписывая на каждой бумагѣ предметъ прошенія. Разъ въ этой огромной кучѣ попадается намъ уже распечатанное—кѣмъ, мы и сами не знаемъ—частное письмо къ государю отъ герцогини Виртембергской, жены герцога Александра, прозваннаго Шишкой, брата вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны; въ немъ царская тетка жаловалась на своего мужа и просила отъ него защиты у государя. Всѣ мы трое очень перепугались и тотчасъ же поѣхали къ статсь-секретарю съ повинной головой. Онъ на насъ пошумѣлъ, приказалъ впередъ быть осмотрительне при распечатываніи пакетовъ и, взявъ на себя всю

нашу вину, поѣхалъ тотчасъ же къ государю съ весьма непріятнымъ объясненіемъ. Все кончилось строжайшимъ выговоромъ московскому почтъ-директору, который чуть не лишился мѣста за то, что онъ не умѣлъ различить частнаго письма отъ официальныхъ просьбъ и бумагъ. Въ другой разъ въ пріемный день статсь-секретаря, еще до его прїѣзда, обратилась ко мнѣ одна средневѣковая дама (такъ я называю ихъ отъ 40 до 50 лѣтъ) съ просьбой въ рукахъ и объяснила, что она желаетъ быть пожалована въ фрейлины. «Позвольте узнать, милостивая государыня, ваше имя».—«Я, баба-батюшка, вдова заслуженнаго генераль-лейтенанта» (имени дамы не упомню).—«Да какъ же,—отвѣчалъ я,—вдову сдѣлать фрейлиной?»—«Ну ужъ это не ваше дѣло, а вы только пустите меня первую, когда прибудетъ его превосходительство». Я доложилъ Петру Андреевичу и поставилъ ее впереди всѣхъ. Статсь-секретарь изъяснилъ ей, что никакое самодержавіе не способно совершить такого чуда. «На милость образца нѣть! Не въ примѣръ другимъ, а вы только доложите». Кикинъ, конечно, подобное затѣйливое прошеніе доложилъ государю при первомъ его докладѣ. Его Величество изволили смыться и уѣшли просительницу какимъ-то подаркомъ.

Или я былъ слишкомъ въ то время молодъ, или действительно не встрѣчалось никакого важнаго дѣла въ нашей московской канцеляріи, только изъ всего этого времени, кромѣ этихъ мелочей, никакого другого служебнаго случая въ памяти моей не осталось.

Съ Кикинымъ была жена его Марья Ардаліоновна, урожденная Тарсукова. Она была очень умна, мила, образована, чрезвычайно оригинална, ничѣмъ не походила на всѣхъ московскихъ и даже петербургскихъ

барынь. Дѣтство провела она у своей бабушки Пере-кусихиной во дворцѣ и ежедневно видала императрицу Екатерину II. Все въ ней мнѣ особенно нравилось: ея рѣчь, ея независимый образъ мыслей, ея туалетъ, который отличался какимъ-то изящнымъ удобствомъ и практичностью. Мало встрѣчалъ я женщинъ, которыхъ такъ искренно и глубоко уважалъ. Въ ней было много серьезнаго и ни капли педантства: никогда не хотѣла она быть фрейлиной и нѣсколько разъ отказывалась отъ шифра. Однажды она сообщила мнѣ довольно забавное происшествіе, случившееся съ ней въ первой ея юности; записываю, какъ живой разсказъ, характеризующій времена императора Павла. Лѣтъ четырнадцати проходила она, гуляя съ своей англичанкой, мимо памятника Петра Великаго, у котораго былъ постоянный сторожъ, чтобы не допускать тогдашнихъ шалуновъ наклеивать на памятникъ ругательныя афишки. Бывшая съ ними моська отъ нихъ отбѣжала, и молоденькая Тарсукова начала ее звать; громкій окликъ сторожа заставилъ вздрогнуть гуляющихъ. «Какое слово ты это сказала?»—«Я ничего-съ,—отвѣчала дѣвочка,—я зову къ себѣ мою моську».—«Какъ ты смѣешь! Моську! Знаешь ли кто у насъ моську?» И тутъ схватилъ ее за руку, чтобы вести въ полицію. На эту сцену подошли посторонніе и кто-то изъ нихъ уговорилъ черезчуръ проницательного сторожа отпустить на свободу гуляющихъ. Англійская гувернантка долго не могла понять негодованія полицейского сторожа, до нея не доходило, что императоръ Павелъ преслѣдовалъ мосекъ и не могъ терпѣть этого слова.

Мой начальникъ, ся мужъ, обращался со мною добродушно, родственно, но, угрюмый, скорѣе выгонялъ молодыхъ своихъ чиновниковъ изъ дома, чѣмъ привле-

калъ ихъ. Добрая и ласковая его жена заставляла меня бывать у нихъ часто, и когда ей некогда бывало со мной поговорить, то я за обѣдомъ и послѣ хлопаль только глазами и молчалъ. Совсѣмъ другое въ домѣ другого брата; тамъ Анна Константиновна, хорошенькая и бойкая, любила заниматься мужчинами и въ отсутствіи взрослыхъ не пренебрегала и юношами. Она объявила, что беретъ меня подъ особенное покровительство и обѣщалась непремѣнно меня обольстить, уничтожить всю мою робость, равнодушіе и даже какую-то открытую ею во мнѣ мизантропію. Все бы это ей непремѣнно удалось, ибо я начиналъ поддаваться. Только что было началъ я развертываться для моей общественной московской жизни послѣ трехлѣтней университетской жизни, только что было я заговорилъ, хотя и довольно плохо, на французскомъ языкѣ подъ образовательнымъ водительствомъ сего умнаго московскаго существа Анны Константиновны, какъ внезапная смерть дяди Обрескова отъ паралича заставила меня въ началѣ весьма холодной зимы, 6-го декабря, выѣхать изъ Москвы въ Симбирскъ, чтобы наѣсти тамошнихъ тетокъ, а паче кузинъ.

Въ этомъ городѣ и въ его широкомъ провинціальномъ обществѣ провелъ я болѣе мѣсяца. Въ эту поѣзdkуѣздила со мной меньшой изъ двоюродныхъ моихъ братьевъ, армейскій гусарскій корнетъ, Александръ Обресковъ. Онъ имѣлъ всѣ дурные навыки тогдашнихъ гусарскихъ офицеровъ, любилъ выпить, пошумѣть, а подчасъ и заушить станціоннаго смотрителя, и считалъ необходимою обязанностью бить на каждой станціи ямщика, какъ бы тотъ скоро ниѣхалъ. Все это пьянство, всѣ эти буйныя выходки, бывшія тогда въ нашихъ нравахъ, мнѣ опротивѣли, и я даль-

себѣ слово никогда не выходить изъ предѣловъ приличія, даже и въ дорогѣ, и не злоупотреблять баранымъ терпѣніемъ забитаго нашего народа. Какъ я ни уговаривалъ моего буйнаго спутника воздерживаться отъ водки и отъ драки, всѣ мои увѣщенія были напрасны. На половинѣ дороги намъ надобно было заѣхать верстъ 20 въ сторону къ нашему дѣду, Нилю Федоровичу Ермолову, родному брату нашей бабки Обресковой; дорога была узкая, съ снѣжными сугробами, и почтовыя наши лошади стали. Пришлось перемѣнить ихъ въ одномъ казенномъ селеніи. Староста или голова этой деревни требовалъ отъ нась вида или предъявленія права брать по дорогѣ обывательскихъ лошадей; братецъ мой избилъ его; пришелъ писарь и потребовалъ подорожной; братецъ мой избилъ и писаря и показалъ ему мой за печатью на гербовой бумагѣ отпускъ, въ которомъ, конечно, не было ни одного слова объ обывательскихъ лошадяхъ. Писарю вздумалось было потребовать прочитать мой отпускъ, и за такое упрямое сопротивленіе посыпались на него удары гусара и его крѣпостного человѣка; толпа, стоявшая у нашей кибитки безъ шапокъ, перепугалась и повѣрила, что они, сопротивляясь намъ, дѣлаются ослушниками царскаго повелѣнія, и великолѣпная ямская тройка съ первымъ Ѣздокомъ въ селеніи была запряжена въ нашу повозку; ямщикъ, видя всю страшную грозу, валялся въ ногахъ и просилъ, чтобы его не обидѣли прогонами; но и такой успѣхъ самоуправства не могъ прельстить меня.—Старый нашъ дѣдушка, въ затасканномъ халатѣ, въ колпакѣ, окруженный зреѣми двумя дочками, принялъ нась очень милостиво, разсказывалъ о какой-то своей курьерской поѣздкѣ въ первыхъ годахъ царствованія Екатерины, накор-

миль жирными щами и другими сытными русскими яствами, упоилъ крѣпкими домашними наливками, уложилъ спать въ жаркой, какъ баня, комнатѣ, а съ разсвѣтомъ отправилъ на своихъ лошадяхъ до слѣдующей на почтовой дорогѣ станціи. Тутъ опять послѣдовало происшествіе, оставшееся у меня въ памяти. Къ станціи Шарапово подъѣхали мы часу въ четвертомъ послѣ обѣда, когда уже начало смеркаться. Смиренный смотритель, видя птицу по полету и ожидая себѣ отъ непроспавшагося гусара обычныхъ угошеній, всеуниженно доложилъ намъ, что начинается метель и что лучше будетъ обождать. Мнѣ удалось уговорить братца не наказывать смотрителя за такой, по его мнѣнію, дерзкій отвѣтъ, но я не могъ уговорить его принять совѣтъ смотрителя. Мы поѣхали, сбились съ дороги и, выѣхавъ въ 5 часу со станціи, воротились къ полуночи къ тому же смотрителю, и то еще—слава Богу: въ этихъ степяхъ и въ такія метеи съ страшными морозами не мудрено было и замерзнуть.

Въ Симбирскѣ нашелъ я въ сборѣ все тамошнее аристократическое населеніе; во главѣ его былъ другой Ермоловъ, А. Ф., губернскій предводитель, только что произведенный, подъ 80 лѣтъ, по ходатайству родного племянника своего Кикина, въ превосходительный чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Къ нему, какъ къ старшему въ обществѣ, собиралось оно все по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ; большая половина гостей состояла изъ разныхъ Ермоловыхъ по имени или по женскому колѣну; ко всѣмъ этимъ барынямъ и барышнямъ безъ различія надобно было подходить къ ручкѣ, а съ родственными мужчинами цѣловаться непремѣнно по два раза. Я

обязанъ былъ исполнять этотъ обычай по требованію Марыи Васильевны и начинать цѣлованія съ руки дѣда. Однажды, не то въ Рождество, не то въ Новый годъ, я, усталый отъ длиннаго обѣда, пошелъ было домой, не исполнивъ обряда прощенья, потому что долженъ былъ воротиться туда же на вечеръ, но посланный за мною слуга воротилъ меня съ дороги и, получивъ отъ дѣда замѣчаніе: «Ты, любезный, уходишь изъ гостей по-французски, да еще отъ дѣда; это у насъ не водится», я долженъ былъ опять совершить всецѣлованіе. Простодушная бабушка, жена хозяина, не носившая никогда чепцовъ, а повязанная платочкомъ, какъ попады и купчихи, прибавила и отъ себя словцо мнѣ въ укорь. «Вы, мои голубчики, мышиные жеребчики».—Какъ, бабушка, что такое!—«Да такъ, батюшка,—всѣ вы модники». Послѣ смерти дяди между моей бойкой теткой Марьей Васильевной и и его пріятельницей Николевой водворилось совершенное согласіе: онъ искренно помирились и сдѣлались друзьями. Рѣзкостью и правдивостью своего характера, добродушною готовностью быть полезной и пріятной всему обществу Марья Васильевна усвоила себѣ первую роль въ симбирскомъ обществѣ; Николева же нравилась всѣмъ своимъ любезнымъ умомъ, мастерствомъ играть въ коммерческія игры и музыкальнымъ замѣчательнымъ талантомъ на фортепіано. Обѣ двоюродныя мои сестры, старшая, Наталья, живая, умная, кокетничала со всѣми мужчинами за исключениемъ только тѣхъ, которые разъвали свои рты для одной водки и трубки, и играла въ самую тѣсную дружбу со мной; меньшая, Варенька, за полгода вышедшая изъ института, была прехорошенькая, бѣлокурая, съ голубыми глазами и восхищала всѣхъ своимъ

премилымъ пѣніемъ: у нея былъ симпатичный небольшой контрапальто, которымъ она искусно владѣла по методѣ, пріобрѣтенной ею отъ лучшихъ учителей пѣнія въ петербургскомъ институтѣ. Тѣ же самые симбирскіе герои этого времени, Аржевитиновъ и Репьевъ, задавали тонъ губернскому обществу и обращали на себя вниманіе его дамъ. Между послѣдними была очень красавая дѣвица Сушкина и старшая ея сестра, о которыхъ упомянуто было въ недавно напечатанныхъ очень любопытныхъ и весьма нескромныхъ запискахъ Хвостовой.

До сихъ поръ, говоря о Симбирскѣ и его обществѣ, выставилъ я одну лицевую и казовую сторону, а вотъ его и изнанка. На самомъ красивомъ мѣстѣ во всемъ городѣ, на возвышенности надъ Волгой, на такъ называемомъ Вѣнцѣ, стояли предлинныя хоромы, изуродованныя разными пристройками; онѣ принадлежали начальнику тамошней удѣльной конторы. Этотъ господинъ былъ типъ всякаго безобразія, а домъ его—вмѣстилище нравственной и всякой другой грязи. Все было растрепано и въ лохмотьяхъ, начиная съ головы и халата хозяина, его дѣтей и многочисленныхъ обоего пола челядинцевъ. Онъ былъ съ ранняго утра въ полулыжномъ положеніи, а каждый вечеръ напивался до положенія ризъ, и, несмотря на то, какъ человѣкъ, по рожденію и по женинымъ и своимъ связямъ принадлежавшій лучшему тамошнему обществу, и какъ чиновникъ, самъ по себѣ не бѣдный и обогащавшій себя крупными взятками, изрѣдка собираль онъ лучшее общество, и раза два случилось мнѣ обѣдать со многими другими за его грязнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ гадкимъ столомъ. На его бѣду и на бѣду его гостей онъ былъ членомъ симбирской масонской ло-

жи и имѣль въ ней какое-то почетное званіе; это обязывало его почему то приходить въ неистовый религіозный и филантропический жаръ и безстыдно проповѣдывать пьянымъ голосомъ какія-то восторженныя нелѣпицы. Не думаю, чтобы въ настоящее время можно было еще гдѣ-нибудь встрѣтить въ нашей *dura patria* подобную отвратительную личность, которой, однако, никто не гнушался. Впрочемъ, много прощалось ему по жалости родныхъ къ его женѣ и дѣтямъ и изъ уваженія къ его скромному, честному и заслуженному брату, отставному флотскому капитану, который еще при Екатеринѣ заслужилъ Георгіевскій крестъ за отличие въ чесменской битвѣ, истребившей турецкій флотъ.

Что бы еще сказать мнѣ въ моихъ «Запискахъ» о Симбирскѣ? Мудрено распространить разсказъ о городѣ, въ которомъ ъли, пили, спали и играли, гдѣ не было никакого движенія, ни театра, ни концертовъ, ни даже книжной лавки. Говорятъ, былъ тамъ одинъ образованный домъ, родственный Тургеневу, инженеръ-генерала Ивашева, но этой семьи, изъ которой впослѣдствіи вышелъ одинъ декабристъ и въ которую женитьбой вошелъ внучатный мой братъ и приятель, Петръ Языковъ, въ то время въ городѣ не было. Сонный Симбирскъ былъ во всемъ похожъ на всѣ тѣ губернскіе города, которыхъ портретъ однимъ разомъ для всѣхъ выставилъ Гоголь въ своихъ «Мертвыхъ душахъ»; его не успѣлъ еще тогда возставить отъ сна недавно присланный туда губернаторомъ знаменитый Магницкій. Имя этого сподвижника Сперанского, раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды по образованію министерствъ и государственного совѣта и подвергшагося опалѣ и ссылкѣ въ началѣ 1812 года вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, часто встрѣчается въ нашей

литературѣ послѣдняго времени, и потому я не на долго остановлюсь на его біографіи. Молодымъ человѣкомъ былъ онъ секретаремъ нашего посольства въ Парижѣ, и, какъ передавала мнѣ родственница Магницкихъ, Голохвастова, будучи весьма красивымъ мужчиной, имѣль тамъ большой успѣхъ и нравился императрицѣ Іозефинѣ. Въ это время считался онъ вольнодумцемъ и послѣдователемъ Вольтера. Сближеніе съ Сперанскимъ сдѣлало изъ него масона или мартиниста, вѣрнѣе сказать—мистика. Когда императоръ Александръ, уступая общей ненависти къ Сперанско му всего дворянства, а можетъ быть и по личному противъ него неудовольствію, сослалъ его въ Пермь, Магницкаго отправили въ тотъ же день въ Вологду. Ссылка этихъ двухъ лицъ произвела весьма сильное впечатлѣніе на всю Россію и до сихъ поръ еще не разгадана. Кстати записываю здѣсь недавно переданное мнѣ въ Парижѣ нашимъ ориенталистомъ Ханыковымъ совершенно новое объясненіе ссылки Сперанскаго. Тогдашній министръ полиціи Балашевъ, одинъ изъ самыхъ враждебныхъ лицъ Сперанскому, перехватилъ какую-то и къ кому-то его записку на французскомъ языкѣ, въ которой Сперанскій называлъ императора Александра, отправившагося осматривать крѣпости: «notre veau blanc est allé inspecter les forteresses», употребивъ дерзкую игру словъ въ непристойномъ сравненіи государя съ Vauban'омъ, извѣстнымъ строителемъ французскихъ крѣпостей временъ Людовика XIV. Перехваченная ругательная записка представлена была государю, который не могъ не видѣть въ этомъ поступкѣ не только оскорблѣнія своему сану, но и подлой измѣны дружбы, потому что Сперанскаго считалъ своимъ другомъ. Помнящіе наружность государя поймутъ, что тутъ

была злая насмѣшка на красоту его лица. Послѣ нѣ сколькихъ лѣтъ ссылки Магницкому дали мѣсто вице-губернатора, кажется въ Воронежѣ, и потомъ перевели губернаторомъ въ 1817 году въ Симбирскъ. Онъ велъ тамъ очень скромную жизнь, такъ рѣдко являлся въ обществѣ, что мнѣ ни разу не удалось встрѣтиться съ нимъ въ симбирскихъ гостиныхъ, но не замедлилъ выказаться одною весьма странною выходкой. У какого-то богатаго подгороднаго симбиряка взбунтовались, какъ обыкновенно говорилось тогда, крестьяне; Магницкій, вопреки обычаю, самъ поѣхалъ въ это имѣніе для произведенія слѣдствія и принялъ сторону крестьянъ противъ помѣщика. Въ городѣ разсказывали, что онъ нашелъ въ этомъ имѣніи тяжелыя желѣзныя цѣпи, которыми сковывалъ своихъ крѣпостныхъ помѣщикъ, и затѣмъ посыпалъ въ цѣпяхъ провинившихся на работы; Магницкій, облегчивъ участъ угнетенныхъ крестьянъ, пригласилъ священника совершить какое-то молебное пѣніе, крестнымъ ходомъ пошелъ со всѣмъ народомъ на берегъ Волги, и цѣпи, орудія истязанія, по приказанію его были погружены въ рѣку въ то самое время, когда дьяконъ возгласилъ царское многослѣтие.—По прїездѣ моемъ въ Симбирскъ строго соблюдавшая всякое чинопочитаніе моя тетушка приказала мнѣ явиться къ начальнику города. Онъ принялъ меня прилично, но, конечно, всякий другой губернаторъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества быль бы учтивѣ ко всякому молодому человѣку, имѣющему связи въ его губерніи, а губернаторъ изъ чиновниковъ принялъ бы меня гораздо внимательнѣе, нежели это сдѣлалъ Магницкій, потому что я самъ былъ уже чиновникомъ, хотя и мелкимъ, въ канцеляріи одного изъ самыхъ близкихъ къ государю статьѣ - секретарей. Въ

первый день новаго года быль я при открытии симбирскаго отдѣленія россійскаго бблейскаго общества, въ которомъ предсѣдательствовалъ Магницкій и первымъ членомъ быль, кажется, архіерей. Съ рѣдкимъ ораторскимъ искусствомъ Магницкій произнесъ свою увлекательную рѣчъ при этомъ открытии; тогда еще такъ были живы всѣ воспоминанія освобожденія Европы и память о нашемъ спасеніи отъ враговъ; Магницкій съ религіозною восторженностью и, кажется, весьма искреннею, говорилъ о кроткомъ побѣдителѣ властолюбиваго Наполеона, который самъ все имъ совершилъ судьбу Провидѣнія. Весь этотъ походъ двѣнадцатаго и послѣдующихъ годовъ Магницкій называлъ крестовымъ; но въ рѣчи своей не забылъ онъ и древней Россіи, и еще помню восторженныя его о ней слова, которые совѣтую славянофиламъ украсть для себя. «Искони,—провозгласилъ онъ,—искони называлась она Русь святая, Цари ея—благочестивыми, воинство—христолюбивымъ, народъ православнымъ».—Однимъ словомъ, подобнаго между губернаторами витіи, кромѣ развѣ Сперанскаго, конечно въ то время не было, да мудрено найти и теперь. Въ современныхъ журнальныхъ статьяхъ часто встрѣчаемъ мы имя Магницкаго; дипломатъ и вольтеріанецъ, съ первыхъ временъ крайне мистическаго направленія, онъ предавался ему подъ вліяніемъ князя Голицына, сдѣлался изувѣромъ и гонителемъ всякаго просвѣщенія, какъ въ званіи члена главнаго управлениія училищъ, такъ и въ званіи попечителя казанскаго учебнаго округа, потомъ предался Аракчееву, болѣе всѣхъ участвовалъ въ сверженіи прежняго своего начальника — мистика, и нако-

немъ, какъ неисправимый, явный доносчикъ, былъ сосланъ императоромъ Николаемъ въ Одессу, где кончилъ свои дни въ изгнаніи и бѣдности. Имя его предано анаемъ юнымъ нашимъ поколѣніемъ, а между тѣмъ одинъ искренно благочестивый изъ нашихъ писателей, лично известный мнѣ, какъ человѣкъ ученый и искренно религіозный, написалъ нѣсколько страницъ, исполненныхъ выраженія глубокагоуваженія къ памяти сего отверженаго въ новѣйшее время человѣка: Стурдза былъ и оставался всегда его другомъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до поѣздки моей въ Симбирскъ былъ я и на открытии московскаго библейскаго общества; тамошня рѣчи мною забыты, помню только одно чтеніе отчетовъ главнаго россійскаго общества секретаремъ онаго Александромъ Ивановичемъ Тургеневымъ, на котораго я съ подобающимъ любопытствомъ глядѣлъ въ первый разъ. Въ это время въ Москвѣ набирали всѣхъ и каждого въ члены общества, особенно покровительствуемаго императоромъ; записали въ него и меня и, какъ съ податливаго въ то время мальчика, взяли сторублевую ассигнацію. Не могло обойтись безъ того, чтобы меня, какъ богатаго, по преувеличенной молвѣ, юношу, не эксплуатировали, т.-е. не разрабатывали на всякую потребу. Такъ поступили и московскіе вельможи, старшины благороднаго собранія, взявъ съ меня, по собственному ихъ указанію, 200 рублей для угощенія императорской фамиліи баломъ и ужиномъ, а меня, бѣднаго богатаго, не пригласили даже и поужинать. И старшій мой двоюродный братецъ, сдѣлавшись полицеймейстеромъ, по дружеской со мной связи вздумалъ было убѣдить меня давать роскошные обѣды моимъ, а еще болѣе своимъ собственнымъ знакомымъ. Разва два я уступилъ

его неотступнымъ просьбамъ, но, увидавъ счета падра и погребщика Депре, рѣшительно отказался отъ подобныхъ угощеній и возненавидѣлъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ эксплуататоровъ моего кошелька. Съ этихъ то самыхъ поръ я всего болѣе боялся быть обманутымъ подобными невинными средствами, devenir dupe des personnes qui ne passent pas encore pour des fripons.

Въ срединѣ зими возвратился я въ Москву къ монимъ бездѣльнымъ канцелярскимъ занятіямъ, а въ марта вмѣстѣ со всѣми чиновниками канцеляріи получилъ предписаніе отправиться въ Петербургъ и явиться къ дѣйствительному статскому совѣтнику Соколову, управлявшему въ отсутствіи Кикина канцеляріей комиссіи прошеній.

Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ Москвѣ до отѣзда въ Петербургъ на службу, а именно въ одинъ изъ осеннихъ мѣсяцевъ 1817 и зимнихъ 1818 гг., совершились въ присутствіи пребывавшей тамъ императорской фамиліи два великихъ торжества. Перваго я былъ свидѣтелемъ.

На обширной Ивановской^{Красной} площади въ самой серединѣ пространства, заключенного между вѣзdomъ въ Иверскія ворота, Казанскимъ соборомъ (воздвигнутымъ княземъ Пожарскимъ въ память освобожденія Москвы въ 1612 г. отъ поляковъ; они вышли изъ нея 22 окт. въ день Казанской иконы Божіей Матери) и церковью Покрова на Рву, известной больше подъ названіемъ Василія Блаженнаго *), противъ кремлевской стѣны воз-

*). Церковь Василія Блаженнаго до 1815 г. была до того застроена сплошными, довольно высокими строеніями, что изъ всей этой узорчатой и оригинальной группы восточно-индійскаго зодчества виднѣлась одна только ея

нешался закрытый со всѣхъ сторонъ досками памятникъ Минину и Пожарскому. Съ самаго ранняго утра толпы народа скучивались на этой площади, половина которой передъ памятникомъ оставлена была для размѣщенія той части гвардіи, которая пришла съ государемъ въ Москву. Императоръ Александръ принялъ команду надъ войскомъ, отдалъ честь слѣдовавшимъ въ золотыхъ придворныхъ каретахъ императрицамъ, вдовствующей и царствующей, и когда ихъ экипажи поравнялись съ памятникомъ, дощатая завѣса распалась, и гражданинъ Мининъ предстоялъ, а князь Пожарскій возсѣдялъ предстали пораженному или не пораженному величiemъ предмета взору публики. Потомъ, по заведенному всегда обычаю, войско проходило церемоніальнымъ маршемъ передъ памятникомъ, императрицами и государемъ, отдавало честь, и тѣмъ все и покончилось. Не вдругъ стала понятна всѣмъ тайно-либеральная мысль тогдашняго времени, и не сейчасъ по открытіи памятника сдѣлалась она предметомъ толковъ и сужденій; рано ли, поздно ли, однако

голова и колокольня. Никто, кажется, изъ обывателей московскихъ не любовался ею; мнѣ рѣшительно она была неизвѣстна. Когда императоръ Александръ въ 1815 г. былъ въ Лондонѣ, ему представленъ былъ рисунокъ этой церкви, сдѣянный какимъ-то англійскимъ путешественникомъ. Государь обратилъ тотчасъ просвѣщенное свое вниманіе на такой памятникъ зодчества, никому невѣдомо возвышающейся въ древней столицѣ, и велѣлъ немедленно очистить это зданіе отъ всѣхъ загромождавшихъ его строеній, что уже и было исполнено ко дню открытія памятника Минину и Пожарскому. Впослѣдствіи сдѣлали еще лучше: очистили и самый съездъ къ москворѣцкому мосту и окружили одну сторону церкви стѣной до ея подошвы. Церковь эта была построена, по приказанію Иоанна Грознаго, какимъ-то итальянскимъ архитекторомъ. Московское преданіе гласить о ней, будто бы царь такъ былъ счастливъ, что въ его столицѣ и въ память славнаго его подвига, взятія Казанскаго царства, воздвигнутъ былъ такой преузорочный, нигдѣ не бывалый храмъ, что тотчасъ же повелѣлъ архитектору выколоть глаза, дабы онъ нигдѣ уже не могъ создать что-нибудь подобное. Конечно, это басня, но въ ней выражается вѣрное понятіе русскаго народа о высокихъ качествахъ одного изъ своихъ великихъ государей.

догадались, что въ надписи на памятникѣ гражданинъ (собственно говоря, мясникъ) Мининъ выставленъ былъ первымъ, а князь Пожарскій, Рюиковичъ, поставленъ вторымъ, да и самое слово гражданинъ такъ пріятно первый разъ коснулось русскаго уха. Такимъ свободолюбивымъ первенствомъ всего болѣе потѣшалась тетка моя, Марья Васильевна Обрескова, гордившаяся, особенно съ тѣхъ поръ, происхожденіемъ своимъ по женскому колѣну отъ рода Мининыхъ. Она набожно хранила у себя старинный образъ, хорошаго письма, Иоанна Предтечи, съ двумя на немъ надписями: «моленіе Кузьмы Минина» и вторая: «моленіе Михаила Минина», и завѣщала его мнѣ. Мининъ, теперешній тульскій губернскій предводитель, считающій себя потомкомъ знаменитаго Кузьмы Минина-Суходрукова, пытался было оттягать у меня этотъ древній образъ, но я не поддался, допустивъ его только приложиться. Но видно, нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣрнаго. Ученый археологъ Мельниковъ, долго жившій въ Нижнемъ-Новгородѣ, доказывалъ мнѣ, что теперешніе Минины поддѣлались подъ родство знаменитаго человѣка, а деньгами и протекціей добились при Екатеринѣ того, что получить утвержденную имъ на то грамоту, ибо, по словамъ Мельникова, Кузьма Мининъ и сынъ брата его Михаила потомства послѣ себя не оставили. Такое же разочарованіе послѣдовало и съ историческимъ преданіемъ о моемъ Мининскомъ образѣ. Знатокъ въ иконописи, пожилой раскольникъ, рекомендованный мнѣ покойнымъ княземъ Одоевскимъ, подробно осматривалъ мою икону со всѣхъ сторонъ и утвердилъ, что она письма гораздо позднѣйшаго. Хорошо и то, что моя родолюбивая тетушка не дожила до собранія мной сихъ разрушительныхъ свѣдѣній.

Открытие памятника видѣль я и смотрѣль на него изъ одной лавки второго этажа въ гостиномъ дворѣ вмѣстѣ съ семействомъ Кикиныхъ и гораздо болѣе пораженъ былъ великолѣпіемъ завтрака, предложенаго намъ хозяиномъ лавки, чѣмъ великолѣпіемъ самаго торжества.

Сообразя подробности его съ позднѣйшими въ томъ же родѣ торжествами, замѣчу для современниковъ, что никакихъ духовныхъ процессій тутъ не послѣдовало, что панихиды никакой не было, какъ происходило это при открытии Карамзинской Кліо на площади города Симбирска, и что мѣдныхъ изваяній святой водой не кропили, какъ то было и послѣдовало съ той же Кліо и статуей въ Дерптѣ лютерана Барклая-де-Толли, котораго и въ живыхъ суша, какъ еретика, кропить не подобало.

Другимъ событиемъ того же времени была торжественная закладка на Воробьевыхъ горахъ храма Спасителя въ память освобожденія Москвы отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языковъ. О предложенномъ еще задолго сооруженіи въ Москвѣ сего храма было возвѣщено во время похода 1813 года изъ чужихъ краевъ императоромъ Александромъ особеннымъ манифестомъ, принадлежащимъ перу витѣвата го сударственного секретаря Шишкова. Изъ весьма многихъ проектовъ этого зданія, представленныхъ разными архитекторами, государь одобрилъ планъ архитектора Витберга, поражавшій необыкновенною смѣлостью художественной мысли и таинственностью мистического ея значенія. Несмотря на то, что люди опыта и науки при первомъ взглядѣ на этотъ планъ предвидѣли уже невозможность его исполненія и что онъ подвергался какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ

своихъ частяхъ самой строгой, безпощадной критикѣ, приняты были чрезвычайныя мѣры къ возведенію этого храма, памятника нашей безпредѣльной благодарности за освобожденіе отечества и вмѣстѣ памятника безпримѣрного смиренія императора Александра, который во всѣхъ случаяхъ торжественно и столько же искренно относилъ и всѣ свои побѣды и всю свою славу не мірскимъ, земнымъ успѣхамъ, но всеблагому о немъ и о землѣ его Промыслу.

«И се, приникнувши Престола къ ступенямъ,
«Во прахъ предъ Божествомъ свою бросаетъ славу.
«О Вѣчный, остыни смиренного Державу!
«Его душа чиста, въ ней благость лишь одна,
«Лишь пламенемъ къ добру она воспалена.»

Жуковскій (Посл. къ имп. Александру.)

«Не намъ, не намъ, но имени Твоему», повторяль каждый разъ государь въ торжественныхъ возваніяхъ своихъ къ народу, и эти самыя слова повелѣль изобразить на знакахъ отличія, розданныхъ имъ подвижникамъ отечественной войны.

Увлекаемый христіанскимъ своимъ настроениемъ, государь издалъ указъ о пріобрѣтеніи покупкою въ казну до 25,000 душъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они вмѣстѣ съ принадлежащими имъ землями поступили въ вѣдомство комиссіи строенія храма Спасителя и высыпали бы отъ себя ежегодно по строенію разныхъ мастеровыхъ: каменщиковъ, плотниковъ, кирпичниковъ и т. д., и ихъ бы отъ урожаевъ съ своихъ полей продовольствовали. Само собою разумѣется, что по окончаніи постройки все это населеніе освобождалось и пріобрѣтало въ свою пользу всѣ эти земли. Любимецъ государя, мистикъ, князь Александръ Николаевичъ Голи-

цынъ, первый продалъ въ комиссию свой недвижимыя имѣнія и между ними одно извѣстное мнѣ весьма значительное, между Новосилемъ и Сѣтухою, село Бѣлляя Вежи.

Все зданіе храма предполагалось тричастное, у самой подошвы горы за Москвой рѣкой, немногого пра-вѣ по ея течению противъ Новодѣвичьяго монастыря, стоящаго на другомъ берегу въ самой горѣ или предгоріи. Это огромнѣйшихъ размѣровъ зданіе начиналось уже церковью во имя сошествія Христа во адъ; надъ ней сооружался храмъ Рождества Спасителя, а еще выше второго долженъ быть возвышаться храмъ Воскресенія. Вся вышина отъ подошвы первого храма до купола должна была превосходить не однимъ десяткомъ сажень храмъ св. Петра въ Римѣ. Таковъ былъ проектъ, коему не было исполненія. Денегъ на первоначальнаяя работы и закупки, не говоря уже о покупкѣ имѣній, брошено было не одна сотня тысячъ рублей; начались подозрѣнія, болѣе или менѣе основательныя, въ кражахъ, весь проектъ былъ брошенъ, и сурою долгой опалѣ раздраженнаго государя подвергся самъ увлеченный своею мечтательностью художникъ Витбергъ, никакъ не виноватый, по увѣренію современниковъ, въ лихоимствѣ, но, конечно, не совсѣмъ правый въ обольщеніи себя и другихъ несбыточностью своей художественной мысли, которая обошлась нашимъ финансамъ такъ дорого.

Конечно, торжество закладки не могло омрачаться никакими темными мыслями. Все и всѣ, начиная съ главнаго виновника торжества, умилительно ликовало, молилось, благодарило и воспѣвало побѣдную пѣнь. Черезъ узеньку, невзрачную нашу рѣчку наведенъ былъ пристойный, по возможности, пловучій мостъ съ

приличными украшеніями. Все московское духовенство тянулось черезъ него въ своеи бѣломъ торжественномъ облаченіи, за этимъ рядомъ шли находившіеся въ Москвѣ іерархи, между коими первенствовалъ архіепископъ московскій, любимецъ Платона, златоустый въ нарочитыхъ подобныхъ случаяхъ, Августинъ. Императоръ съ непокровенnoй головой шествовалъ непосредственно за архипастыремъ, имѣя о страну себѣ обѣихъ императрицъ, далѣе другіе члены императорскаго дома, придворные, свита и т. д.

По странному случаю, котораго я себѣ удовлетворительно объяснить не могъ, или, лучше сказать, объясняль для себя весьма неудовлетворительно, семья Кикиныхъ на этотъ разъ пригласила меня быть ходячимъ зрителемъ такой чрезвычайной прогулки, уверяя, что я сдѣлаю ее вмѣстѣ съ ними, не тѣснясь никакъ, и увижу все, что только можно видѣть. Я отъ похода отказался, удовольствовавшись тѣмъ, что поглядѣль на него съ полчаса времени отъ ограды Зачатіевскаго монастыря, но приглашавшая семья видѣла все до мельчайшихъ подробностей, и это было не мудрено: она сама участвовала въ процессіи.

Случилось это такъ. Въ началѣ 1813 года состоявшій при главной квартирѣ П. А. Кикинъ во время короткаго перемирія посланъ былъ государемъ въ Прагу осмотрѣть наши военные госпитали и донести о ихъ состояніи. На досугѣ отъ такого порученія, въ порывахъ торжественнаго своего умиленія и благодарности къ Промыслу за ниспосланная намъ побѣды, которая, какъ видно, были никакъ неожиданны, онъ излилъ свои чувства въ письмѣ къ пріятелю своему Александру Семеновичу Шишкову и сообщилъ ему мысль «увѣковѣчить наше избавленіе и уже нача-

вшееся освобожденіе Германіи сооруженіемъ въ Москвѣ благодарственаго храма». Шишковъ поспѣшилъ представить это письмо государю, и такимъ образомъ первая мысль о храмѣ принадлежитъ безспорно Петру Андреевичу Кикину. Все это прекрасно, но все это, по моему мнѣнію, должноствовало храниться какъ преданіе въ семье и отнюдь не выходить на улицу; ничуть не бывало! Рядомъ съ П. А., честнымъ, благороднымъ, прямымъ и нисколько не заносчивымъ, стоялъ старшій братъ его Алексѣй, богатый, разоряющійся, малочиновный, а потому и чваный и древностью своего рода и значеніемъ своего брата. Въ эту осень для свиданія съ сыномъ Петромъ пріѣхала старушка ихъ мать, вдова Марья Федоровна, родная сестра моей бабки по матери, Обресковой. Она была не глупа, набожна и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ чрезвычайно скромна. Ей предложили поглядѣть процессію; она, конечно, охотно согласилась, ничего въ этомъ для себя не подозревая, но старшій сыночъ неожиданно и почти внезапно устроилъ изъ матушки своей выставку. Разными тайными ходами черезъ второстепенныхъ придворныхъ дошло до Петра Андреевича приглашеніе нести имъ обоимъ подъ руку свою матушку въ торжественномъ ходѣ вслѣдъ за императорской фамиліей, въ ряду съ статсъ-дамами и грузинскими царицами, царевнами и царевичами. Старушка Кикина меня очень любила и, узнавъ о предстоящемъ ей значеніи въ ходу, очень на это распоряженіе мнѣ жаловалась и кротко на него сердилась. Уложивъ ее рано спать въ ожиданіи утренняго подвига, я остался наединѣ съ Анной Константиновной, женой старшаго брата Кикина, остроумной и юкетливой. Мы, конечно, вдвоемъ злo смыслись надъ

всѣми этими продѣлками и дали другъ другу слово въ этомъ семейномъ торжествѣ не участвовать; вотъ почему я и не былъ на закладкѣ неудавшагося храма Спасителя.

Теперь расскажу о переѣздѣ моемъ въ Петербургъ и вступленіи въ дѣйствительную службу. Въ это время было мнѣ болѣе 18 лѣтъ; вынесенная мною изъ университета познанія были очень скучны, ихъ нельзѧ даже называть поверхностными; много было отраслей человѣческаго знанія, о которыхъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мнѣ, напр., совершенно недоступна была вся математика; естественная исторія была для меня *terra incognita*, да и самая всеобщая исторія и даже отечественная коснулись меня слегка. Исторію своей литературы я зналъ порядочно, французскую изрядно, немецкая, англійская и итальянская для меня не существовали. Въ отношеніи къ общественной жизни главный, убийственный мой недостатокъ были очень плохое знаніе разговорнаго французскаго языка и почти решительное неумѣніе танцевать. Послѣднему искусству послѣ несчастныхъ уроковъ въ университетѣ у Мореля учился я у знаменитаго тогдашняго танцмейстера Гогеля, товарищами моими въ его танцклассѣ были университетскіе мои пріятели: Голохвастовъ, Дмитревъ и Новиковъ, и — увы! — ни одинъ изъ насъ не уразумѣлъ этой премудрости. Неумѣніе изъясняться на модномъ языкѣ и неспособность къ танцамъ мѣшали мнѣ въ Москвѣ, а въ Петербургѣ сдѣлались причиною того, что я никакъ не могъ решиться представиться не только въ высшее, но даже въ какое бы то ни было общество. Я бѣгалъ, какъ отъ чумы, отъ каждого дома, въ которомъ могъ по-

чему-нибудь предугадывать, что тамъ, хоть изрѣдка, танцуютъ. Неудавшаяся мнѣ единственная попытка въ танцахъ въ Москвѣ, и то невольная, представляла мнѣ всякий балъ, всякий танцевальный вечеръ пугаломъ. Въ 1817 или 18 г. въ Москвѣ существовало купеческое собраніе, въ которое никогда не допускались ни дворяне, ни чиновники, во избѣженіе разныхъ господъ военныхъ, которые когда-то производили тамъ страшный скандалъ, но въ видѣ исключенія старшины предоставили московскому генералъ-губернатору два почетные билета для его штаба. Оберъ-полицеймейстеръ Обресковъ снабдилъ меня такимъ билетомъ на одинъ вечеръ, и я, расфранченный, туда отправился. Дежурный старшина почелъ своею обязанностью, какъ съ почетнымъ посѣтителемъ, быть со мной особенно учтивымъ; на отвѣтъ мой, что я не танцую за неимѣніемъ знакомыхъ, представилъ мнѣ, а не меня, свою хорошенькую дочку. Нечего было дѣлать, я пригласилъ ее на экосезъ, самый легкій для неумѣющаго тогдашній танецъ; меня для почета поставили въ первую пару и мнѣ было чрезвычайно трудно кончить эту экосезную прогулку, которую я перепуталъ къ великому удовольствію танцующихъ купчиковъ, не любившихъ почетныхъ на своихъ балахъ посѣтителей.

Но отсутствіе во мнѣ научныхъ знаній, недостатокъ свѣтской ловкости и происходившія отъ того дикость и отчужденіе отъ общества не препятствовали мнѣ пріобрѣсть весьма достаточную, а можетъ быть излишнюю для моего возраста, жизненную опытность, она то и сдѣлала меня слишкомъ рано недовѣрчивымъ ко всѣмъ людямъ и въ то же время, по законамъ логики, эгоистомъ и вооружила противъ всѣхъ и каждого свойственной всѣмъ эгоистамъ ироніей и какимъ-то

духомъ отрицанія. На мое счастіе судѣбѣ угодно было передъ отѣзdomъ моимъ въ Петербургъ сблизить меня опять съ В. А. Никольскимъ, который также переселялся туда на службу и согласился жить со мною. Я охотно предложилъ ему столь и квартиру.

Сѣверная наша столица поразила меня своимъ великолѣпіемъ. «Наконецъ-то,—говорилъ я себѣ,—вижу я настоящій городъ». Увидѣвъ въ первый разъ Зимній дворецъ и великолѣпную его площадь, пришелъ я въ какой-то телячій восторгъ и разинулъ ротъ отъ изумленія. Зато первая моя прогулка по городу была неудачна и привела въ неистовое бѣшенство. Первый петербургскій мой день былъ воскресный; являясь по службѣ въ канцелярію или къ Соколову, замѣнявшему Кикіна, было не время; выshedъ изъ гостиницы Демута и поглядѣвъ на Дворцовую площадь, вздумалъ я пойти въ Педагогическій институтъ, чтобы посѣтить воспитанника Панова и отдать ему пакетъ съ деньгами отъ общихъ нашихъ родныхъ. У Полицейскаго моста учиово остановилъ я какого-то франта и спросилъ у него дорогу. Любезный господинъ, посмотрѣвъ на меня пристально, улыбаясь, указалъ мнѣ весь маршрутъ: «идите, — сказалъ онъ, — прямо до Аничкова моста; пройдя черезъ него, возьмите нальво, по Фонтанкѣ, и идите потомъ по Невской набережной до кавалергардскихъ казармъ мимо Таврическаго дворца и у Смольного монастыря спросите Калинкинъ мостъ, тутъ рядомъ Педагогическій институтъ». По сказанному, какъ по писанному, я отправился и, пришедъ къ Смольному монастырю, спрашиваясь, гдѣ тутъ Калинкинъ мостъ и Педагогическій институтъ; прохожій, къ которому я обратился, посмотрѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго: «Что съ

вами? И мостъ и это заведеніе совсѣмъ на другомъ концѣ города, отсюда верстъ семь». Нечего было и думать пускаться въ такую противоположную даль; время шло къ обѣду, но я, хотя и измученный этимъ походомъ, отправился все-таки пѣшкомъ, надѣясь, и очень глуно, встрѣтить моего указателя и приласкать его моей московской тросточкой. Разумѣется, роковой этой встрѣчи не послѣдовало.

23 июля, стараю стиля. Ormonts dessus Aigle.

На этомъ мѣстѣ опять прекращены были мои «Записки» на цѣлые два мѣсяца по случаю страшныхъ жаровъ, которые я испыталъ во всей ихъ нестерпимой силѣ въ южной Франціи, на минеральныхъ водахъ въ мѣстечкѣ Вальсѣ, гдѣ пробылъ цѣлый мѣсяцъ. Благополучно перебралисъ мы оттуда въ Женеву черезъ Ліонъ. Людовикъ Наполеонъ уже объявилъ войну Пруссіи, и по всей Франціи немногіе съ восторгомъ, весьма многіе съ горемъ пополамъ готовились переживать эту новую, непрошенную, бѣдовую войну, которая вслѣдствіе расчетливыхъ, болѣе даже чѣмъ властолюбивыхъ соображеній Наполеона придирчиво затѣяна была имъ противъ Пруссіи. До сихъ поръ, не взирая на то, что съ объявлениемъ войны прошло уже двѣ недѣли, столкновеній между враждующими войсками еще не было, но приготовленія къ войнѣ ведутъ за собою въ огромнѣйшихъ размѣрахъ разореніе не однихъ воюющихъ государствъ, но и всѣхъ, имѣющихъ право по трактатамъ быть нейтральными, а равно и всѣхъ тѣхъ, которые болѣе или менѣе искренно желали бы оставаться въ сторонѣ. По издержкамъ на это военное время ежедневно въ 100,000 франк. на 50,000 войска одной небольшой Швейцаріи можно предположить, чего будетъ стоить всей Европѣ предпринимаемая борьба изъ

одной сатанинской гордости двухъ или трехъ лицъ, которыхъ должны отвѣтить за всѣ ея чудовищныя послѣдствія передъ современниками, передъ судомъ потомства и исторіи. Но я распространяться не стану, замѣчу только одно то, что въ подобное тревожное время, когда настоящее грозитъ несчастіемъ каждому, трудно вполнѣ предаться воспоминанію прошедшаго. Какъ бы то ни было, скрѣпя силы, продолжаю.

Послѣ невольной воскресной моей прогулки на другой день моего въ Петербургъ пріѣзда, часу въ 10 слѣдующаго утра, т.-е. въ понедѣльникъ, день, по русской примѣтѣ, не совсѣмъ-то благопріятный для начала какого-бы то ни было важнаго дѣла, пошелъ я являться къ управлявшему канцеляріей комиссіи прошеній за отсутствіемъ статсь-секретаря Кикина. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Соколовъ еще при Екатеринѣ служилъ по этой части и еще при ней носилъ название рабочаго секретаря. Онъ явился передо мной угрюмымъ, неопрятнымъ, какимъ-то одичалымъ старикомъ въ домашней ветхой одеждѣ, въ грязномъ, заваленномъ бумагами и покрытыми пылью книгами кабинетѣ. Когда предъявилъ я ему официальный мой ордеръ, въ которомъ было сказано, что «состоящій при канцеляріи статсь-секретаря у принятія прошеній коллежскій регистраторъ Свербеевъ долженъ немедленно по пріѣздѣ изъ Москвы явиться къ его превосходительству И. А. Соколову и поступить по канцеляріи на службу», И. А., указывая на стулъ, не пригласилъ, а велѣлъ мнѣ сѣсть. Я взглянулъ на предложенное мнѣ сѣдалище и, хотя оно было покрыто порядочною пылью, сѣлъ, какъ вкопанный, не дерзая его вытереть. Послѣ двухъ вопросительныхъ словъ о томъ, гдѣ я учился, онъ свистнулъ и оборванному казачку велѣлъ принести мнѣ

чаю; я отказывался, напившись у себя на квартире. «Ничего, пей», повторил онъ. Чай поданъ былъ жидкій и пересахаренный. Тогда послѣдовало приказаніе казачку подать мнѣ кофе; я опять началъ было отговариваться и опять услышалъ то же: «ничего, пей». Ну, выпилъ я и кофе, такой же отвратительный, какъ и чай. «Теперь подай ему меду». — «Помилуйте, ваше превосходительство». — «Ничего, пей; молодымъ людямъ это не вредитъ». Послѣ поглощенія мной отвратительного меду, старецъ приказный подъячій во всей силѣ, а по тогдашнему для важныхъ должностей выражению — дѣлецъ, не вставая съ кресель, кивнулъ мнѣ головою, сказавъ: «Теперь, голубчикъ, ступай съ этимъ ордеромъ въ канцелярію». Я, сѣвъ на моего лихого извозчика, туда было прямо и поѣхалъ, но черезъ силу, изъ видовъ подчиненности выпитые мной залпомъ чай, кофе и медъ вслѣдъ за собственнымъ моимъ порядочнымъ завтракомъ заставили меня ѻхать на мою квартиру къ Демуту и тамъ по крайней необходимости пробыть цѣлое утро. Мнѣ было не до канцеляріи; нужда и законъ перемѣняетъ. Не знаю, случалось ли что-нибудь подобное въ этомъ родѣ съ священными особами, т.-е. съ двумя попами и дьякономъ села Любовши, которыхъ важный сосѣдъ мой П. И. Сафоновъ угощалъ бывало при мнѣ у себя именно чаемъ, кофеемъ и медомъ залпомъ, когда этотъ его приходскій причеть являлся къ нему въ воскресныя и праздничныя утра послѣ обѣдни. Однако часу въ третьемъ, справившись съ моими немощами, я все-таки отправился въ канцелярію, нашелъ тамъ только одного дежурнаго чиновника и двухъ сторожей, которымъ и отрекомендовался.

Канцелярія наша была на Малой Милліонной улицѣ, въ Кикинскомъ домѣ, который главнымъ своимъ фасадомъ

выходилъ на Дворцовую набережную. Она помѣщалась очень тѣсно, въ трехъ комнатахъ: небольшой пріемной для самого статс-секретаря, въ длинной, немного побольше и пошире, для всѣхъ чиновниковъ и боковой для архива. Составъ канцеляріи былъ очень умѣренный: кроме трехъ, четырехъ лицъ, при ней числившихся и никогда почему-то въ нее не заглядывавшихъ, хотя и получавшихъ наравнѣ съ другими чины и отличія, служившими въ ней были при мнѣ правитель канцеляріи Николай Петровичъ Брусиловъ, человѣкъ очень образованный и приличный, когда-то литераторъ и издатель журнала Российской словесности, въ которомъ печатались водяные стишкі и сладенькая проза первой Карамзинской школы. Этотъ Г. Брусиловъ, впослѣдствіи вологодскій губернаторъ, а потомъ сенаторъ, не принадлежалъ къ петербургскому порядочному обществу не потому, чтобы не имѣть на то всѣхъ правъ по своему рожденію и достоинствамъ, а единственно оттого, что имѣть счастіе или несчастіе, какъ хотите, жениться по любви на молоденькой дочери петербургскаго пастора Гофмана. Чета эта была почти бѣдна, а Брусиловъ былъ чиновникъ рѣдкой въ то время честности и никогда не соблазнялся ежедневною возможностью взять крупную взятку. При немъ собственно состояль въ должности младшаго чиновника его шуринъ, Андрей Лонгиновичъ Гофманъ, мой долговременныій пріятель, отличившійся на важномъ государственномъ поприщѣ безустанной и безкорыстной дѣятельностью, въ обществѣ же слишкомъ приторною любезностью, особенно съ прекраснымъ поломъ. Потомъ за правителемъ канцеляріи слѣдовали въ порядкѣ чиновничія четыре или пять экспедиторовъ или начальниковъ отдѣленія, которымъ поручалось составленіе до-

кладныхъ записокъ для комиссіи прошеній на Высочайшее имя на сенаторскія рѣшенія. Изъ нихъ упомяну о двухъ съ тѣмъ, чтобы разсказать курьезныя обь этихъ господахъ подробности; наприм., Михаилъ Осиповичъ Козелло, котораго всѣ у насъ, начиная съ самого Кикина, называли Козломъ, завѣдывалъ дѣлами по жалобамъ на третій департаментъ сената, гдѣ рассматривались всѣ тяжебныя дѣла по губерніямъ, состоявшимъ тогда на особыхъ правахъ, т.-е. по губерніямъ, присоединеннымъ отъ Польши, и двумъ малороссійскимъ—Черниговской и Полтавской. Въ то время эти губерніи управлялись еще вмѣсто уложенія литовскімъ статутомъ (въ нихъ, между прочимъ, уѣзды назывались повѣтами, губернскіе и уѣздные предводители—маршалами) съ существеннымъ различиемъ во многихъ случаяхъ отъ нашего общаго гражданскаго законодательства. Въ коренной Россіи нигдѣ не случалось такое, какъ тамъ, количество продолжительныхъ ябдническихъ процессовъ. Козелло безнаказанно пользовался совершеннымъ невѣдѣніемъ въ дѣлахъ этого рода статсь-секретаря Кикина, а равно предсѣдателя и членовъ комиссіи прошеній. Ни одинъ изъ его товарищѣй, безъ исключенія падкихъ на руку, не обогащался съ такимъ успѣхомъ взятками, да и мудрено было ему не соблазниться: жалованья всего получалъ онъ 2,000 р. асс., а у него была семья и никакого состоянія. Одинъ разъ, будучи дежурнымъ, я имѣлъ случай видѣть, какъ безответѣнъ былъ передъ этимъ Козломъ нашъ начальникъ Кикинъ. Послѣдній приказалъ своему подчиненному предварительно доклада комиссіи доложить ему дѣло своего пріятеля бѣлорусца Голынского. Какъ теперь вижу сидящеаго въ голубомъ атласномъ халатѣ Петра Андре-

евича за своимъ столомъ и настъ, ему предстоящихъ, пузатенькаго, коротенькаго, среднихъ лѣтъ, Михаила Осиповича Козелло и меня, юношу, которому приказано было внушительно слушать, уразумѣвать и получаться. По начальническому слову: «Читай!» мой Михаилъ Осиповичъ развернулъ свой большой свертокъ и началъ чтеніе своей безграмотной полурусской записи, испещренной полупольскими на бѣлорусскомъ языкѣ выраженіями, какъ собственно принадлежащими составителю, такъ и официально употребляемыми въ судопроизводствѣ края. Чтеніе длилось болѣе получаса; чтецъ, устремивъ въ записку глаза, заставивъ свое широкое лицо ею такъ, что ему не видать было ни начальника, ни меня, произносилъ свои длинные безъ глаголовъ periodы; они могли быть поняты развѣ ему одному, а между нами, Кикинымъ и мною, происходила нѣмая мимическая сцена. Слушающій начальникъ то качалъ во всѣ стороны головою, то поднималъ къ потолку обѣ руки, вопросительнымъ, смѣющимся или изумленнымъ взглядомъ выспрашивая моего о чтеніи мнѣнія. Я отвѣчалъ на всѣ эти знаки всевозможными угодливыми гримасами; наконецъ, влиятельная по симъ дѣламъ особа и главный рѣшитель оныхъ тяжѣй вышелъ изъ терпѣнія и, не дождавшись точки, возбужденный досадою, громко воскликнулъ: «Довольно, Козель, довольно! Неси въ комиссию». Только что тотъ удалился: «Ты вѣдь ничего не понялъ?»—спросилъ онъ у меня.—Вгладь ничего-съ.—«Вотъ и всегда-то такъ! Эти ябдники-просители напутаютъ съ три короба, въ сенатѣ путаница эта еще нарастетъ, а ужъ нашъ Козель, чортъ его знаетъ — нарочно ли, нѣтъ ли, самъ постарается такъ запутать, что мы тамъ въ комиссіи единогласно вы-

нуждены бываемъ по этимъ козлинымъ дѣламъ соглашаться на проекты придуманныхъ имъ резолюцій и представлять ихъ государю, — ань и выходить, что всѣмъ одинъ Козель ворочаетъ, а мы не при чемъ! А какъ ты думаешьъ, беретъ онъ взятки?» — Помилуйте, я почемъ знаю. — «Беретъ, братецъ, беретъ, да еще и большія.» — Но находчивый человѣкъ никогда не теряетъ времени, изъ всего извлекаетъ пользу. Однажды передъ обѣдомъ у Кикина указалъ онъ мнѣ съ Александромъ Языковымъ на новый фигурный столикъ, какъ на новое украшеніе своей гостиной. «Нравится?» — спросилъ онъ у насть. — Да-съ, — произнесли мы протяжно. «А вотъ, откуда онъ вышелъ, не угадаете. Месяцъ тому назадъ въ комиссіи Козель докладывалъ нескончаемое дѣло по Бѣлоруссіи; извѣстно, чепуха! Смотря съ отчаяніемъ на потолокъ, усмотрѣль я прелестный арабескъ, срисовалъ его и заказалъ въ видѣ столика».

Однажды по милости этого Козла я попалъ было совсѣмъ невинно въ большую бѣду и насилиу изъ нея выпутался. Подходитъ ко мнѣ, дежурному въ канцеляріи, гвардейскій офицеръ, очень приличный, и, кажется, полякъ, и вѣжливо спрашиваетъ, въ какомъ положеніи находится просьба къ государю его матери. Я отвѣчаю, что она перешла въ канцелярію тогда-то и такого-то числа, въ одно изъ отдѣленій для приготовленія къ докладу въ комиссію прошеній. «Позвольте спросить, къ кому изъ вашихъ чиновниковъ она поступила?» Я отвѣчаю очень просто и очень холодно: «Къ Козлу». — «Позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю право требовать отъ васъ не такого отвѣта». Я имѣль глупость разсердиться и грубо отвѣчалъ: «Да что вы пристаете? я вамъ говорю, что ваше дѣло у Козла».

Разговоръ начался крупнѣе; по счастію, кто-то изъ старшихъ чиновниковъ замѣтилъ это и сказалъ Брусилову, который добродушно самъ успокоилъ гвардейца, хотя и не вполнѣ, потому что онъ вышелъ съ словами: «Я очень жалѣю, господа, что всѣ вы имѣете Козла себѣ товарищемъ».

Другой болѣе еще памятный мнѣ экспедиторъ былъ Григорій Алексѣевичъ Андреевъ. По моей тогдашней неопытности въ наукѣ жизни я не старался узнавать о происхожденіи и воспитаніи тѣхъ лицъ, съ которыми встрѣчался и съ коими по обстоятельствамъ входилъ въ какія-нибудь сношенія. Мнѣ осталось неизвѣстнымъ, откуда и какъ вышелъ на свѣтъ г. Андреевъ, чиновникъ среднихъ лѣтъ, полуобразованный, съ манерами довольно приличными, съ характеромъ уклончивымъ и холоднымъ; онъ былъ начальникомъ второго отдѣленія въ канцеляріи, и на него было возложено разсмотрѣніе жалобъ на московскіе департаменты и тамошнее общее собраніе сената. Старшимъ помощникомъ у него былъ нѣкто Кашинъ, племянникъ Соколова, закоренѣлый приказный, не имѣвшій никакого здраваго смысла и въ то же время великий мастеръ составлять дѣловыя записки своего рода, которые, привѣренныя Андреевымъ, почему-то очень нравились нашему главному начальнику. Въ это второе отдѣленіе назначенъ былъ я Кикинымъ, по пріѣздѣ его изъ Москвы, младшимъ помощникомъ. Андрееву приказано было имѣть занимать меня не одной перепиской докладныхъ записокъ въ комиссію, но и поручать мнѣ первоначальное составленіе самыхъ записокъ по тяжѣбнымъ дѣламъ и процессамъ не слишкомъ сложнымъ. Цѣль статьѣ-секретаря, благоволившаго ко мнѣ, какъ къ близкому родственнику, была та, чтобы испытать

мои юридическія знанія, мнай въ университетѣ пріобрѣтенныя, и пріучить меня подъ руководствомъ двухъ, по его мнѣнію, мастеровъ этого искусства къ судебной практикѣ; то же самое хотѣлъ онъ сдѣлать и для другого своего двоюроднаго племянника, Языкова, поступившаго послѣ меня въ канцелярію, назначивъ и его младшимъ помощникомъ къ Андрееву. Оба мы начали трудиться очень усердно, я же съ большимъ успѣхомъ, нежели Языковъ, какъ человѣкъ, которому такія занятія были не чужды; но зато вмѣсто радушнаго участія отъ моего прямого начальника Андреева и подначальника Кашина и помѣху встрѣтилъ я первый. Самъ Андреевъ, составляя свои записки изъ сенатскихъ рѣшеній и соображая ихъ по томъ съ просьбой истца, былъ еще довольно ясенъ въ своемъ положеніи, но часто, иногда даже и умышленно, запутывалъ обстоятельства дѣла въ своихъ длинныхъ периодахъ, оставляя ихъ безъ глагола, либо выпуская съ намѣреніемъ спорные пункты, служившіе предметомъ иска. Такими способами, когда ему было то нужно, ухищрялся онъ затемнить дѣло и потомъ убѣдить членовъ комиссіи соглашаться на проектъ его рѣшенія, основываемаго на имъ же приведенныхъ указахъ. Все это дѣлалось имъ, конечно, не безкорыстно; онъ, какъ и всѣ другие начальники отдѣленія, бралъ съ просителей взятки: безъ такихъ постороннихъ доходовъ ему не съ чѣмъ было бы жить въ Петербургѣ съ семьей. Старшій его помощникъ Кашинъ былъ его правою рукой, работалъ въ его смыслѣ съ тою разницей, что писалъ старымъ приказнымъ, безграмотнымъ слогомъ. Послѣ этого понятно, что составляемыя мною, ученикомъ Сандунова, записки изъ сенатскихъ рѣшеній не могли нравиться обоимъ моимъ на-

чальникамъ. Я составлялъ ихъ отчетливо, ясно и въ особенности кратко; дѣло, такимъ образомъ изложенное, представлялось бы членамъ комиссіи слишкомъ просто и почти никогда не требовало бы личныхъ объясненій докладчика. Такой естественный способъ изложения процесса уничтожалъ почти всякую возможность сорвать взятку то съ истца, то съ ответчи-
ка, и его надо было уничтожить, какъ вредное для кармана докладчиковъ нововведеніе. Вотъ почему всякий разъ, когда представлялъ я мою черновую записку Андрееву или Кашину, они находили ее слишкомъ сокращенною, вначалѣ выслушивали мои возраженія, никогда со мною не соглашались, а потомъ безъ всякихъ объясненій перечеркивали все мною написанное, составляли по этому дѣлу свою собственную записку втрое, вчетверо пространнѣе и мнѣ же отдавали ее на короткій срокъ для переписки. Къ подобному труду вмѣсто ожидаемаго поощренія я, само собою разумѣется, получилъ отвращеніе. Сверхъ того за медленность переписки Андреевъ дѣлалъ мнѣ учтивые выговоры; наконецъ, мѣсяцевъ черезъ восемь отъ моего къ нему причисленія рѣшительно и очень нѣжно со мной объяснился. «Что вамъ за охота,—сказалъ онъ мнѣ,—заниматься этими судебными дрязгами? Вы по вашему положенію къ этому не призваны; мнѣ же вмѣсто облегченія въ моихъ занятіяхъ вы ихъ затрудняете. Легче составить записку одному, чѣмъ исправлять чужую. Бросьте ихъ совсѣмъ и даже не переписывайте; недостаточные изъ нашихъ чиновниковъ охотно это будутъ дѣлать за васъ, если вы пожертвуете имъ много-много 50 рублей». Съ тѣхъ поръ такъ и пошло: я ровно ничего не дѣлалъ, Кикинъ же или позабылъ о своихъ обо мнѣ попеченіяхъ, или повѣрилъ Андрееву,

что я, да и всѣ университетскіе выходцы къ приказной работѣ неспособны.

Петръ Андреевичъ Кикинъ изъ древняго дворянскаго рода (прославленного сподвижникомъ Петра Великаго и его любимцемъ Александромъ Кикинымъ, впослѣдствіи ему измѣнившимъ и имъ посаженнымъ на коль за участіе въ заговорѣ царевича Алексѣя Петровича), родился въ одинъ годъ съ императоромъ Александромъ I, недолго учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, служилъ въ гвардейскомъ семеновскомъ полку, котораго шефомъ былъ Александръ Павловичъ, и изъ полковыхъ адъютантовъ пожалованъ былъ, по воцареніи Александра, флигель-адъютантомъ. Въ 1812 году былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при начальникѣ главнаго штаба Коновницынѣ, а потомъ Ермоловѣ. Въ 1815 г. послѣ недолгой отставки изъ военныхъ генераловъ переименованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и назначенъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. Въ это время онъ считался литераторомъ и, по дружбѣ своей съ родоначальникомъ всѣхъ славянофиловъ Шишковымъ, былъ членомъ предсѣдательствуемаго Державинымъ общества подъ названіемъ «Бесѣда любителей русскаго слова» (о ней упомяну послѣ). Теперь сдѣлаю относительно Кикина одно замѣчаніе. Русскую юриспруденцію, все наше судопроизводство, всю переписку, къ нему относящуюся, или такъ называемое дѣлопроизводство,—все это почиталъ онъ какими-то элевзинскими таинствами, профанамъ недоступными. Чѣмъ туманнѣе и запутаннѣе бывала какая-нибудь судебная бумага, тѣмъ казалась она ему дѣльнѣе; подчиненные дѣлопроизводители тотчасъ это раскусили и этимъ безнаказанно пользовались. Мы съ Языко-

вымъ скоро убѣдились, что на его дѣятельное покровительство намъ, принадлежащимъ къ новому поколѣнію, разсчитывать было нечего: намъ не было и не могло быть ходу, и мы охотно согласились на легкое соблазнительное бездѣйствіе.

Дабы не утомлять моихъ читателей довольно скучнымъ перечнемъ всѣхъ нашихъ канцелярскихъ чиновниковъ, къ которому однако я скоро возвращусь, представлю здѣсь, какъ эпизодъ болѣе увлекательный, знакомство мое съ одной изъ современныхъ передовыхъ, эмансирированныхъ и тогда уже женщинъ, свояченицей Андреева, Софьей Дмитріевной Пономаревой, урожденной дѣвицею Познякъ. Она была дочь Дмитрія Прокофьевича Позняка, умнаго, хитраго сенатскаго оберъ-секретаря одного изъ петербургскихъ департаментовъ, слившаго въ свое время великимъ и даже просвѣщеннымъ дѣльцомъ по судебнай части. Эта молоденькая, плотненькая дама небольшого роста обладала необыкновеннымъ искусствомъ нравиться и не отличалась скромностью. Гдѣ получила она свое образованіе—не знаю, но воспитаніе ея было самое блестательное: бойко говорила она на четырехъ европейскихъ языкахъ и владѣла превосходно русскимъ, что тогда было рѣдкостью; легкая иностранная литература и наша домашняя были ей вполнѣ знакомы. Она умѣла завлечь въ свою гостиную всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, декламировала передъ ними ихъ стихотворенія и восхищала своей игрой на фортепьяно и пріятнымъ пѣнiemъ. Замужемъ была она за сыномъ богатаго откупщика Пономарева, который его отдалъ и далъ ему средства къ широкой петербургской жизни. С. Дм., убѣдившись скоро по своемъ замужествѣ, что мужъ ея не стоитъ, предалась вполнѣ лег-

начету, послѣдовавшему на него по этимъ операциямъ, былъ онъ отрѣшенъ и преданъ суду, что не мѣщало однако ему жить въ Петербургѣ роскошно и открыто.

Предполагая, что изъ памяти Комбурлея не могло совершенно изгладиться имя того человѣка, который былъ первой причиной всѣхъ его удачъ въ жизни, я отправился къ нему съ визитомъ и тѣмъ смѣлѣе, что 10-лѣтнимъ ребенкомъ бывалъ у него и его жены и помнилъ, какъ эта красивая чета меня въ то время ласкала; но меня не приняли. Я оставилъ карточку великоколѣпному швейцару, далъ записать мою квартиру, и цѣлые два года напрасно прождалъ отъ Комбурлеевъ какого-нибудь знака ихъ вниманія или простой свѣтской учтивости. Еще хуже, еще обиднѣе поступилъ со мною родственникъ моей матери Михаилъ Алексѣевичъ Обресковъ. Этотъ черезъ своего камердинера изъявилъ мнѣ желаніе меня видѣть, но что ему теперь некогда и что онъ пришлетъ за мной. Такое безцеремонное объясненіе съ первого раза прописывалъ я тѣмъ короткимъ родственнымъ связямъ, какія всегда были между Обресковыми, дѣтьми Екатерининскаго дипломата, и семьей моей матери того же имени; но приглашенія ждалъ я долго и не дождался. Весьма достаточно было этихъ двухъ неудачныхъ пробъ познакомиться съ двумя очень извѣстными въ Петербургѣ домами, чтобы положить окончательный предѣлъ всякому искательству съ моей стороны какихъ бы то ни было новыхъ знакомствъ. Я, наприм., имѣлъ право толкнуться въ двери предсѣдателя нашей комиссіи прошеній, В. Степ. Попова, который, будучи при Потемкинѣ правителемъ дѣлъ, былъ въ близкихъ служебныхъ сношеніяхъ съ моимъ отцомъ, но я побоялся и его швейцарской комнаты. Другой на мо-

емъ мѣстѣ, побойчѣе, умѣль бы преодолѣть всѣ подобныя препятствія, непремѣнно встрѣчающіяся каждому юношѣ при его появлѣніи въ столицу безъ особыхъ сильныхъ связей на мѣстѣ. Меня, напротивъ, это нисколько не подвигало на охоту за крупными звѣрями. «Отчужденіе отъ высшаго общества происходитъ со мной,—говорилъ я себѣ,—не по моей винѣ». Я сознавалъ съ удовольствіемъ мою отъ него независимость и самъ этимъ сознаніемъ извинялъ себѣ мою дикость. «Да чортъ съ ними,—думалъ я,—пусть они живутъ себѣ, я проживу и безъ нихъ и ухаживать за ними не стану». Семья моего начальника и родственника Кикина была ко мнѣ радушна и ласкова; самъ Петръ Андреевичъ былъ человѣкъ подъ грубыми и непривлекательными формами весьма добрый, а потому и мнѣ искренно желалъ всякаго добра и во всемъ готовъ былъ быть полезнымъ, но, убѣдившись разъ отзывомъ хитраго Андреева о мнимой неспособности моей къ юридической службѣ и часто видя меня у себя, всегда безстрастнымъ, ни въ чемъ не честолюбивымъ, ко всему равнодушнымъ, онъ самъ, всегда чѣмъ либо увлекавшійся, то какъ членъ «бесѣды» или вольнаго экономического общества, то какъ помѣщикъ, постоянно и безуспѣшно преобразующій свое отдаленное за Киевомъ имѣніе, то какъ покровитель русскихъ художниковъ и въ то же время всякаго рода новыхъ изобрѣтеній по части ремесель и промышленности,—видя меня, говорю, во всемъ этомъ безучастнаго, несмотря на свое подталкиваніе, махнулъ на меня рукой и заключилъ предсказаніемъ, отчасти сбывающимся, что я ограничу всю мою будущность и дѣятельность однимъ званіемъ члена московскаго англійскаго клуба. Къ такому, не совсѣмъ-то выгодному

его обо мнѣ заключенію присоединялось предубѣждение его противъ воспитанниковъ московскаго университета, поэтому онъ и меня (вотъ уже совсѣмъ напрасно) подозрѣвалъ въ начинавшемъ проявляться тогда либерализмъ. Кикинъ, какъ и всѣ его сверстники и еще болѣе мои собственные, а можетъ статься и передовыя люди теперешняго поколѣнія, былъ человѣкъ противорѣчій; какъ видно, это зависитъ болѣе всего отъ русскаго омута, въ которомъ кружимся мы отъ Петровской реформы. Кикинъ, вѣрный слуга императора Александра и его, можно сказать, добросовѣстный, искренній обожатель, самого этого государя готовъ былъ порицать за его либеральныя тенденціи, за его симпатіи къ европейской цивилизаціи. Съ Петровскихъ временъ, а можетъ быть еще и съ воцаренія Романовыхъ началось у насъ существованіе двухъ партий, передовой и задней (охранной). Первая готова была усвоивать и отчасти мало-по-малу усвоивала успѣхи европейской гражданственности, вторая передъ ней трепетала и отстаивала старину. Въ народѣ, въ массѣ, все это окончательно и собирательно выразилось расколомъ, въ высшихъ слояхъ общества—двумя крайностями: погруженiemъ однихъ въ старину, другихъ въ безотчетное стремленіе ко всему чужому, безъ всякаго разбора пригодно ли оно намъ или нѣтъ. А какъ ни на томъ, ни на другомъ пути рѣшительно невозможно было идти прямо, не уклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, то всякий мыслишій путникъ, за исключениемъ, конечно, отпѣтыхъ къ цивилизаціи раскольниковъ, необходимо становился болѣе или менѣе человѣкомъ противорѣчій, какимъ я назвалъ и Кикина, всегда слишкомъ рѣшительного въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ. Поклон-

никъ старины, по вліянію на него Шишкова, консерваторъ и ярый защитникъ самодержавія по родовой преданности къ монарху, онъ, по увлечению своего сердца, какъ будто самъ того не зная, въ своихъ помѣщичьихъ мечтаніяхъ доходилъ до желанія эманципаціи, признавая въ то же время крѣпостное право основой самодержавія. Несмотря на невыгодное его обо мнѣ мнѣніе, всякий разъ, когда его дѣятельность бросалась почему-то на экономические и хозяйственныя предметы, чѣмъ отвлеченѣе они представлялись его мышленію, чѣмъ обширнѣе была надъ ними его письменная работа, тѣмъ нетерпѣливѣе сообщалъ онъ ихъ мнѣ, требуя отъ меня откровеннаго о нихъ сужденія и по части слога и относительно ихъ содержанія. Слогъ Кикина въ этихъ его твореніяхъ былъ слогъ, который я давно называю помѣщичьимъ, не называя безграмотнымъ; въ немъ не было порядка, не было послѣдовательности и достаточной обработки; все это достигается однимъ навыкомъ. Какъ онъ изумился однажды передъ моимъ замѣчаніемъ, что я имѣю дерзость подозрѣвать въ немъ желаніе переворота, т.-е. просто революціи. «Ты съ ума сошелъ!» закричалъ онъ, и когда я ему прочелъ отрывокъ изъ его же статьи, приготовленной для чтенія въ вольномъ экономическомъ обществѣ,—тотъ отрывокъ, въ которомъ онъ для введенія рационального хозяйства требовалъ болѣе разумнаго труда и менѣе произвола, слѣдовательно свободы и свободы,—то онъ крѣпко призадумался и черезъ нѣсколько дней сказалъ мнѣ, что произведенія своего въ обществѣ читать не будетъ, чтобы не подвергнуться разнымъ толкамъ и осужденіямъ. Въ это самое время императоръ Александръ уже болѣе опасался, нежели желалъ, освобожденія крестьянъ и

уничтожилъ незадолго составившееся по этому предмету общество, почитателемъ коего былъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, а первыми дѣятелями—графъ Воронцовъ и князь Меньшиковъ.—Вотъ что значитъ расходиться и растеряться въ несвойственныхъ мнѣ историческихъ соображеніяхъ: рассказывая здѣсь о либеральныхъ направленіяхъ Кикина и о его статьѣ о невыгодахъ крѣпостного труда, я отнесъ все сказанное объ этомъ выше къ первой половинѣ 20 годовъ, тогда какъ оно относится къ 31 или къ 32 году, слѣдовательно десятью годами позже.

Съ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ и его женой Марьей Ардаліоновной жили въ одномъ домѣ, вѣрнѣе сказать, самъ онъ и его жена жили въ домѣ очень старой дѣвицы Мары Саввишны Перекусихиной, которая была родная тетка вдовы Катерины Васильевны Тарсуковой, урожденной Перекусихиной, матери Кикиной, и жила съ теткой, дочерью и своимъ зятемъ. Когда я прѣѣхалъ въ Петербургъ въ 1818 г. Марья Саввишнѣ было уже подъ 80 лѣтъ; десятки годовъ пробыла она въ званіи камеръ-фрау при Екатеринѣ II и, какъ известно, пользовалась особеннымъ милостивымъ расположениемъ императрицы. Сказываютъ, что Марья Саввишна, будучи ея другомъ и не выставляясь никогда слишкомъ впередъ и на видъ всего Двора, жила вблизи отъ внутреннихъ покоевъ государыни скромно въ небольшомъ отведенномъ ей помѣщеніи. Сказываютъ также, что она была постоянной посредницей съ ея фаворитами и что она никогда не имѣла никакого значительного вліянія ни на первую, ни на послѣднихъ; что она всѣми вообще была любима и уважаема, держала себя въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ и никогда ни въ какихъ случаяхъ не выставлялась впередъ. Изъ

всѣхъ лицъ, окружавшихъ Екатерину, она одна умѣла не вооружить противъ себя императора Павла, который, не любя мать, ненавидѣлъ почти всѣхъ къ ней близкихъ. По восшествіи своемъ на престолъ онъ тотчасъ же отличилъ ее своимъ благоволеніемъ и вскорѣ пожаловалъ ей лично 5,000 десятинъ земли въ Рязанской губерніи изъ казенныхъ дачъ, близкихъ къ имѣнію ея дочери Тарсуковой. Старушка Перекусихина замѣчательна была во многомъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ. Она не знала ни одного иностранного языка и, вѣроятно, именно потому государыня, желавшая выучиться совершенно по-русски (чего она почти и достигла), ее къ себѣ приблизила. Я, впрочемъ, засталъ еще двухъ дамъ, бывшихъ при Екатеринѣ ея комнатными камеръ-фрау или камеръ-медхенами, которая также кромѣ русского языка никакого не знали. Происходила Марья Саввишна изъ дворянскаго небогатаго дома Перекусихиныхъ въ Рязанской губерніи; братъ ея былъ при Екатеринѣ сенаторомъ. Какъ теперь гляжу я на эту милую старушку, скромную, но всегда опрятно одѣтую, низенькую ростомъ, худенькую, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, накрахмаленномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись слегка напудренные волосы, сидящую за своимъ столомъ съ книжкою или за гранѣ-пасьянсомъ и ежедневно до обѣда или раннимъ вечеромъ радушно принимавшую въ своей гостиной, возлѣ самой прихожей, обычныхъ посѣтителей различныхъ лѣтъ и различнаго положенія въ петербургскомъ обществѣ. Пріемъ у нея былъ не по чинамъ; знатныхъ и незнатныхъ встрѣчала она одинаково, меня же съ первого моего появленія въ этомъ ея небольшомъ и незатѣйливомъ домѣ всегда принимала съ особеннымъ добродушiemъ, вспоминая дружбу

свою къ моему отцу, когда онъ былъ при Потемкинѣ; знала же она его коротко и потому, что съ нимъ былъ друженъ Петръ Петровичъ Новосильцевъ, женатый на сестрѣ Тарсукова, мужа воспитанной ею племянницы. У нея же впослѣдствіи во дворцѣ часто живала и двоюродная ея внучка Кикина, которой, какъ видно, она уже съ малыхъ лѣтъ внушала не добиваться придворныхъ отливий. Марья Ардаліоновна, дочь екатерининского оберъ-гофмейстера и богатая наследница его имѣнія, не имѣла фрейлинского шифра и отказалась его для своей дочери, которая украсилась имъ уже послѣ смерти родителей, выходя замужъ за князя Волконскаго.—Въ гостиной, спальней и кабинетѣ этой подруги Екатерины все наполнено было воспоминаніями объ обожаемой ею государынѣ. Портретовъ было нѣсколько, мебели, ей принадлежавшей и ею ежедневно употребляемой, также, равно какъ незатѣйливыхъ фарфоровыхъ чашекъ и другихъ мелочныхъ украшеній. Между всѣми этими вещами не было ничего драгоценнаго, но все было дорого памяти сердца благодѣтельствованной ею подруги.

Мать Кикиной, племянница Перекусихиной, вдова Екатерины Васильевны Тарсукова, не походила на свою типичную тетушку и была бы даже и въ преклонныхъ годахъ совершенно другого пошиба, если бы Марья Саввишна не сдерживала ея постоянно своею житейскою мудростью. Въ ней прорывались часто выходки ея собственного характера, замѣчательно легкомысленна. Она, вѣроятно, до встрѣчи моей съ нею, болѣе чѣмъ въ зреихъ годахъ, кой-когда кокетничала, любила посплетничать, увлекаться обольщеніями и Двора и знатности, и уже, конечно, не мать отказывала въ шифрѣ своей дочери. Все, что было въ ней, въ этой полустанухѣ, нравственнаго, умѣреннаго и серьезнаго,

все это держалось въ ней по чувству преданности къ своей благочестивой, благородной теткѣ; зато дочь ея Марья Ардаліоновна усвоила себѣ всѣ прекрасныя качества бабушки. Лучшей чертой ея характера при теперешнемъ моемъ о ней воспоминаніи представляется мнѣ благородная независимость отъ мишурныхъ увлечений Двора и великосвѣтскаго общества, которая проявлялась даже въ своеобразномъ ея туалетѣ, никогда не подчинявшемся модѣ, но всегда приличномъ и даже изящномъ. Въ скромной гостиной Марии Саввишны, общей съ ея сожителями, рѣдко являлись значительныя и вліятельныя лица этого времени; она, какъ и всѣхъ, принимала бы ихъ охотно, но Кикинъ былъ со всею знатью въ разладѣ, никогда съ ними не водился и только по настоянію своихъ домашнихъ дамъ отплачивалъ имъ визиты. Во всѣ три года моего пребыванія въ Петербургѣ только одинъ разъ удалось мнѣ видѣть тогдашняго министра просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, мистика князя Голицына, несмотря на то, что этотъ любимецъ императора Александра, иногда удачно боровшійся съ другимъ его фаворитомъ Аракчеевымъ, выросъ на глазахъ Марии Саввишны при дворѣ Екатерины. Раза два случилось мнѣ видѣть у нихъ Мордвинова и столько же начинавшаго обращать на себя вниманіе князя Меньшикова. Всѣ прочія крупныя знаменитости не переступали порога кикинского или перекусихинского дома. Изъ всѣхъ вліятельныхъ и крупныхъ стариковъ того времени по временамъ показывались тамъ трое: предсѣдатель комиссіи прошеній и членъ государственного совѣта, замѣчательный, остроумный князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, слывшій богачомъ и весьма расчетливымъ, порядочнымъ человѣкомъ, тоже членъ совѣта графъ Николай

Николаевичъ Головинъ, которому всѣ какъ бы въ какой вѣрный банкъ ввѣряли свои большиe и малые капиталы и коего совершенное банкротство, оказавшееся послѣ его смерти, разорило многихъ; имѣніе же его, разыгранное въ лотерей, село Воротынецъ, не могло вполнѣ вознаградить кредиторовъ; наконецъ, чаще всѣхъ изъ великихъ людей бывалъ тамъ адмираль Александръ Семеновичъ Шишковъ, родоначальникъ славянофиловъ, впослѣдствіи самъ министръ просвѣщенія, узкій обскурантизмъ коего обнаружился теперь вполнѣ въ недавно обнародованныхъ историческихъ документахъ временъ императора Александра.

О Шишковѣ довольно сказать одно: онъ былъ отъявленнымъ врагомъ митрополита Филарета и доносиль на него, какъ на безбожника и на либерала, а Карамзина долгое время почиталъ революціонеромъ; вотъ до чего можетъ доходить во всемъ ревность не по разуму. Здѣсь пріостановлю я на время разсказы мои о кикинскомъ обществѣ, чтобы передать то, что случилось со мною вслѣдствіе моего съ этимъ обществомъ столкновенія и что имѣло весьма рѣшительное вліяніе на долгіе годы всей моей жизни. Семейные мои читатели изъ этихъ откровенныхъ очерковъ моего дѣтства и юности, вѣроятно, уже замѣтили раннюю степенность моего характера и ту разсудочную способность, которая обуздывала во мнѣ всѣ возможныя увлеченія юности, но духъ времени не могъ не имѣть на меня нѣкотораго вліянія. По умиротвореніи Европы императоромъ Александромъ, вездѣ въ Россіи, частью въ Москвѣ, а особенно въ Петербургѣ либеральныя идеи пустили свои ростки; болѣе или менѣе такими идеями заразился и я. Одинъ изъ моихъ университетскихъ товарищай и друзей П. А. Н., изучая любимаго своего автора

Жанъ-Жака Руссо, предался всецѣло его утопіямъ и передъ отъѣздомъ моимъ на службу въ Петербургъ въ 1818 году подъ страхомъ тайны вручилъ мнѣ небольшую тетрадку своихъ юношескихъ мечтаній объ освобожденіи крестьянъ. Я ему въ этомъ сочувствовалъ и явился къ тогдашнему единственному журналисту Гречу съ этой тетрадкой, съ просьбой, если можно, ее напечатать, не называя автора. Съ великимъ ужасомъ пробѣжалъ ее при мнѣ издатель «Сына Отечества» и взялъ съ меня клятву въ томъ, что я никогда и никому не буду сообщать о существованіи подобныхъ опасныхъ мыслей. Узнавъ потомъ Гречу довольно коротко по неблагопріятнымъ о немъ отзывамъ всего петербургскаго общества, я скороувѣрился, что онъ, служа и нашимъ, и вашимъ, т.-е. будучи либераломъ въ кругу литературномъ и тайнымъ агентомъ тайной поліціи, не преминулъ сообщить кому слѣдуетъ о существованіи вывезенной мной изъ Москвы тетрадки. Добрый и осторожный правитель кикинской канцеляріи, Брусиловъ, какъ-то разъ, наединѣ, безъ всякихъ объясненій, дружески посовѣтовалъ мнѣ вести себя осторожно и не слишкомъ *завиratься*—обыкновенное тогдашнее выражение о молодыхъ людяхъ, дозволявшихъ себѣ либеральничать. Нѣсколько времени спустя дошла и до меня только что написанная Пушкинъ и ходившая по рукамъ ода его подъ названіемъ «Вольность». Считая себя мастеромъ декламировать стихи и желая похвастаться моимъ чтеніемъ передъ моими сослуживцами, я передъ выходомъ всѣхъ изъ канцеляріи удержалъ на полчаса любителей россійского стихотворства и торжественно прочелъ имъ это новое произведеніе отчаянно либеральной тогда музы Пушкина. Долго помнилъ я наизусть всю эту

оду. Пушкинъ, какъ утверждаютъ, написалъ эти стихи вскорѣ по полученіи извѣстія о смерти виртембергской королевы Екатерины Павловны.

И самая эта ода и распространеніе ея въ петербургскомъ обществѣ и, наконецъ, мое торжественное чтеніе не тайкомъ, а въ самой канцеляріи, десятку служащихъ въ ней чиновниковъ достаточно объясняютъ, что это было за время, въ которомъ мы тогда жили, его безнаказанная распущенность вмѣстѣ съ крайнею подозрительностью правительства, во главѣ котораго стоялъ Аракчеевъ. Кто-то изъ бывшихъ при чтеніи сообщилъ о немъ тому же Брусилову, который, призвавъ меня къ себѣ на домъ, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ нестолько начальническій, сколько дружескій, пригрозивъ мнѣ, что если я не уймусь, то о послѣдующихъ моихъ продѣлкахъ въ этомъ родѣ онъ будетъ въ необходимости доложить П. А. Кикину. Тѣмъ все и кончилось. Если бы десять лѣтъ послѣ повторилось кѣмъ-нибудь подобное чтеніе въ казенномъ мѣстѣ, то послѣдствія были бы очень непріятны чтецу и даже слушателямъ.

Либеральничанье мое, впрочемъ, обнаруживалось рѣдко. Насколько про себя помню, я, по молодости, не отставалъ отъ моды и, довольно равнодушный къ великимъ тогдашнимъ идеямъ свободы, равенства и братства, любилъ въ рѣдкихъ случаяхъ ими похвастаться. Консервативныя убѣжденія въ родѣ того, что крѣпостные наши происходятъ отъ Хама, а мы, баре, отъ двухъ старшихъ его братьевъ, были, однако, мнѣ противъ либеральныхъ. Все сказанное выше повѣствовалъ я, приводя моихъ читателей къ разсказу о случившемся со мною въ домѣ Кикина.

Весна начиналась, день прибавился. Послѣ обѣда, часу

въ пятомъ, разошлись по своимъ угламъ хозяйки—дамы, и въ гостиной оставались обскурантъ дѣдушка Шишковъ, богатый и расчетливый графъ Головинъ, да хозяинъ. Они разсѣлись на покойномъ диванѣ и разговаривали. Безмолвный сидѣлъ я у окна въ той же нижней гостиной, сонно глядѣль на покрытую снѣгомъ широкую Неву и на Петропавловскую крѣпость, внимательнѣе смотрѣль на проходящихъ по набережной, скучалъ и зѣвалъ, не имѣя права удалиться, потому что былъ въ тотъ день не гостемъ, а дежурнымъ. Важные собесѣдники вели свой разговоръ о различныхъ правахъ всѣхъ возможныхъ сословій въ Россіи и пускались въ самыя мельчайшія подробности безчисленныхъ разрядовъ обитателей пространнаго нашего отечества. Слушалъ я ихъ разсѣянно и съ досадой замѣчалъ про себя, что всѣ трое не довольно ясно понимаютъ предметъ своего разговора и въ немъ грубо сбиваются. Благодаря Сандинову, я, казалось мнѣ, лучше этихъ государственныхъ мужей зналъ права и обязанности каждого изъ нашихъ сословій. Мудрая бесѣда продолжалась часть или больше и, какъ видно, самихъ ихъ утомила. Престарѣлый Шишковъ начинай уже дремать, всталъ первый съ своего сѣдалища и тихими шагами подошелъ ко мнѣ, я тотчасъ вытянулся во весь ростъ передъ такой знатной особой, которая, милостиво потрепавъ меня по плечу, предложила слѣдующій вопросъ: «Ну, а ты, юноша, знаешь ли сколько у насъ состояній?»—Знаю, ваше высокопревосходительство.—«Ну-ка, сколько? Скажи». Тутъ мое раздраженное терпѣніе лопнуло и я громко выговорилъ:—Два.—«Какъ два?»—Да-съ; ваше высокопревосходительство, два.—«Только?»—Только.—«Какія же?»—Деспоты и рабы.—Какъ бы не солено похлебавши отскочилъ

отъ меня Шишковъ, значительно взглянуль на Кикина, потомъ всѣ они переглянулись, грозно воззрился на меня Кикинъ и сказалъ: «Ступай домой». Я ушелъ предовольный, въ торжествѣ и радости дошелъ до Прачеснаго моста на Фонтанкѣ, но мысли мои начинали тоже перевертываться и на сердцѣ стали скрести кошки. «Скверно», подумалъ я; не заходя домой, взялъ извозчика и отправился въ театръ. Въ моемъ абонированномъ креслѣ сидѣлось мнѣ какъ-то неловко весь вечеръ, и проклятые кошки продолжали скрести на сердцѣ. Ночь провелъ я тревожно, не говоря, однако, ни слова о моемъ смущеніи Никольскому. Часовъ около восьми утра докладываетъ мнѣ, еще лежащему въ постели, французъ мой Charles, что нашъ канцелярскій фельдъегерь Завитаевъ желаетъ меня видѣть. Это случалось и прежде,—Кикинъ послалъ его ко мнѣ съ бумагами для переписки,—но никогда не было посылки такой ранней; посланный сообщилъ мнѣ, что меня требуютъ какъ можно скорѣе къ Петру Андреевичу. «Скажите, что сейчасъ буду, только напьюсь чаю».—Нѣтъ, ужъ пожалуйте со мной! Приказано васъ привести немедленно.—Ну, думаю, бѣда! Робкими шагами вхожу въ маленький кабинетъ. Кикинъ былъ въ халатѣ, но уже одѣтый въ свое чёрное торжественное костюмѣ, въ штанахъ и штиблетахъ; онъ затворилъ за мною дверь на ключъ и не свойственнымъ ему вѣжливымъ тономъ сказалъ: «Я, сударь, сейчасъ ёду къ государю просить милости у его величества посадить васъ моего родственника и подчиненного за вчерашнія слова въ Петропавловскую крѣпость». Яувѣренъ былъ въ томъ, что такая царская милость будетъ ему оказана. Александръ I, вопреки всѣмъ прекраснымъ качествамъ своего сердца, не оставлялъ безъ преслѣ-

дованія ни одной грубой выходки крайняго либерализма и имѣлъ привычку отрезвлять иногда довольно долгимъ заточенiemъ или ссылкой тѣхъ, которыхъ считалъ противниками своей верховной власти. Въ ней онъ искренно видѣлъ божественное свое право, а въ посягающихъ на нее преступныхъ грѣшниковъ, нарушителей закона Божьяго. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ раскаяться передъ Кикинымъ въ моихъ неумѣстныхъ словахъ и обѣщать ему впередъ не поддаваться вольнолюбивымъ искушеніямъ. Затѣмъ послѣдовали совѣты и увѣщанія растроганного до слезъ Кикина; требуя отъ меня повторенія обѣщанія, онъ нѣжно меня обнялъ и увѣщевалъ не губить себя, не компрометировать его самого и не вредить московскому университету, мѣсту моего окончательного образованія, на которое начинали уже смотрѣть косо.

«Теперь, слава Богу, все кончилось», сказалъ онъ мнѣ, «будь покоенъ и молчи, а я сейчасъ вмѣсто Дворца поѣду къ графу Головину и Шишкову, которыхъ, особенно Шишкова, до послѣдней степени раздражилъ и напугалъ твой дерзкій отвѣтъ. Я и вчера взялъ съ нихъ слово никому про это не говорить и надѣюсь, что они сдержать свое обѣщаніе послѣ твоихъ. Ты не можешь знать, въ какое время мы живемъ, и какія послѣдствія могли бы выдти изъ вчерашняго случая, еслибы слухъ о немъ дошелъ до государя, или, что еще хуже, до Аракчеева» *).

Затѣмъ продолжаю воспоминанія мои о тѣхъ немногихъ замѣчательныхъ лицахъ, близкихъ старушкѣ

*) См. прил. ст. VI.

Перекусихиной или Кикину, которыхъ встрѣчалъ я у нихъ. Рѣзче всѣхъ выставлялась въ этой гостиной личность брата Кикина, Алексея Андреевича. Самаго передового этого собесѣдника ставлю я однако позади, потому что много говорено будетъ о немъ, когда придется мнѣ вспомнить о его женѣ, умершей въ 1820 году. Въ первый разъ въ этомъ домѣ увидѣлъ я бывшаго въ то время дежурнымъ генераломъ главнаго штаба и еще не графа, Арсенія Андреевича Закревскаго. Этотъ впослѣдствіи великий московскій самодуръ, прїѣзжалъ послѣ своей свадьбы въ Москву съ первымъ визитомъ вмѣстѣ съ женой, смуглой красавицей, графиней Агрипиной Толстой,—и обѣ этой четѣ будетъ говорено позднѣе.

Довольно раннимъ утромъ встрѣтилъ я однажды, будучи дежурнымъ, будущаго фельдмаршала Паскевича, тогдашняго бригаднаго генерала, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ, можетъ ли онъ видѣть его превосходительство? т.-е. моего начальника. Я, зная по наслышкѣ о Паскевичѣ, что онъ и человѣкъ и даже генералъ не дюжинный, пригласилъ его идти прямо въ кабинетъ къ Кикину; скромный Паскевичъ однако не пошелъ, а просилъ меня сперва доложить. Это была единственная моя встрѣча съ кавказскимъ, варшавскимъ и венгерскимъ героемъ, *puisque Héros il y a.* Мнѣ не удалось, да и не хотѣлось искать случая напомнить его свѣтлости о семейныхъ довольно близкихъ нашихъ связяхъ. Упомянувъ о бывшихъ или будущихъ знаменитостяхъ Россіи, перескаиваю къ приятелю Кикина, первому издателю «Отечественныхъ Записокъ» Павлу Петровичу Свиныну, о которомъ «Благонамѣренный» Измайлова такъ удачно выразился однимъ стихомъ:

«Павлушка, мѣдный лобъ (приличное прозванье!)»

Этотъ «Павлушка» имѣлъ однако счастье исполнить, будучи еще молодымъ человѣкомъ, одно важное порученіе. Его, чиновника мінистерства иностраннѣй дѣлъ, хорошо знавшаго англійскій языкъ, отправили въ Соединенныя американскія Штаты въ 1813 году съ приглашеніемъ отъ императора Александра къ генералу Моро прибыть въ Европу и принять участіе въ войнѣ противъ Наполеона. Павель Петровичъ Свинынъ, *tout «Павлушка» qu'il fut,* имѣлъ честь сопровождать героя первой французской революціи. Можно бы, казалось, послѣ такого успѣха на немъ и остановиться, либо идти обыкновенной, торной служебной дорогой,— Свиныну было этого мало. Онъ пустился въ художество и въ авторство. Насколько былъ онъ хорошимъ живописцемъ мнѣ неизвѣстно; я много слышалъ толковъ его о живописи и о необходимости создать русскую школу. Кикинъ, легко увлекавшійся всѣми возможными отраслями россійского патріотизма, кромѣ либерального, попался на эту удочку и былъ вмѣстѣ съ Свинынымъ и Мамоновымъ однимъ изъ первыхъ основателей Общества поощренія русскихъ художниковъ, которое, надо отдать ему справедливость, произвело Брюллова. О Свинынѣ, какъ о живописцѣ, рассказывали, что онъ открылъ, собственно для себя, самый легкій способъ писать картины. Онъ былъ пейзажистъ, и начертивъ въ своемъ воображеніи какой-нибудь ландшафтъ, нарисованный имъ карандашемъ вчернѣ, этюдъ приносилъ къ одному изъ покровительствуемыхъ имъ юныхъ талантовъ, прося его написать масляными красками небо, съ которымъ будто бы самъ Свинынъ не могъ совладать, потомъ другого художника просилъ написать землю и зелень, третья-

го—деревья, четвертаго—воду и т. д. Составленный такимъ образомъ пейзажъ выдавалъ онъ за свое произведение и выставлялъ на немъ въ уголкѣ свое имя съ обычнымъ: «print». Въ качествѣ литератора и журналиста поступалъ онъ тоже особеннымъ образомъ, не престанно, для каждой книжки своего журнала (а выдавалъ онъ ихъ, кажется, 12 въ годъ), создаваль какого-нибудь русскаго генія-самоучку, который будто бы по особенному понятію дѣлалъ величайшія открытия по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія. Если и были между ними люди сколько-нибудь замѣчательные, то развѣ только потому, что они сами по себѣ собственнымъ трудомъ доходили до решенія задачъ, давно уже извѣстныхъ и однимъ имъ только невѣдомыхъ.

Въ литературномъ отношеніи ученикъ Шишкова и членъ «Бесѣды любителей русскаго слова» Свинынъ былъ послѣдователемъ тогдашней первой славяно-фильской школы, враждебно относился къ Карамзину и его послѣдователямъ, арзамасцамъ, и вездѣ проявлялъ свое страстное сочувствіе къ до-петровской Руси и отвращеніе ко всѣмъ иноземнымъ нововведеніямъ. Должно, однако, говоря о Свинынѣ, и поэтому слушаю о самой «Бесѣдѣ», отдать тогдашнимъ славяно-филамъ справедливость въ томъ, что они всѣ вообще не дерзали еще тогда касаться съ хулой ненависти къ гиганту между геніями, по выражению Наполеона I, Петру Великому. Слѣдовало бы мнѣ, хотя слегка взглянуть на тогдашняя «Отечественные Записки», чтобы припомнить самому себѣ и другимъ, за что именно въ то время такъ ненавидѣли этого Свинына въ свою очередь всѣ литераторы другихъ кружковъ, кромѣ Шишковскаго. Наружность его была самая по-

рядочная и приличная, а разговоръ гораздо интереснѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ кикинскихъ посѣтителей.

Бывалъ еще у Кикина, и очень часто, другой литераторъ, но уже пожилой и также своеобразный, Павелъ Ивановичъ Сумароковъ, отецъ нынѣшняго графа; онъ былъ незадолго передъ моимъ съ нимъ знакомствомъ новгородскимъ губернаторомъ. Онъ имѣлъ въ то время великое гражданское мужество въ чемъ-то итти на перекоръ всесильному Аракчееву, новгородскому помѣщику, и потому вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ правительственной сфере и въ подчинявшейся ей средѣ петербургскаго общества считался онъ человѣкомъ беспокойнымъ, брюзгливымъ и непрѣятно рѣзкимъ и былъ какъ бы въ опалѣ у Государя. Въ другихъ противоположныхъ кружкахъ на противъ того Сумароковъ являлся героемъ самоотверженія, живя скромно, бѣдно и почти вдовцомъ. Жена его, урожденная княжна Голицына, сестра Норовой, была помѣшана, сынъ служилъ штабсь-капитаномъ въ гвардейской артиллери, а умная и говорливая пожилая его дочь проживала у какихъ-то Голицыныхъ, своихъ родственниковъ. Первыми литературными трудами Сумарокова были: «Досуги крымскаго суды» и потомъ «Поѣздка за границу», въ которой онъ, недовольный всѣмъ чужимъ и предовольный всѣмъ своимъ, описалъ въ пресмѣшной карикатурѣ всѣ страны, имъ посѣщенные. Разумѣется, онъ ихъ добросовѣстно порицалъ съ своей точки зрѣнія, смыслись же не надъ ними, а надъ нимъ его читатели. Если не забуду, постараюсь провѣрить прежнія на меня впечатлѣнія этой курьезной книги. Я ей, впрочемъ, былъ очень благодаренъ: Сумароковъ не задолго до моего первого путешествія былъ въ Па-

рижѣ и былъ мнѣ очень полезенъ, отчетливо выставивъ въ своемъ сочиненіи всевозможныя заграничныя цѣны различныхъ необходимыхъ предметовъ. Независимый по характеру, онъ не принадлежалъ ни къ какой литературной партіи, не былъ членомъ «Бесѣды», но ей сочувствовалъ, презирая все новѣйшее поколѣніе литераторовъ. По семейному чувству онъ предполагалъ, между прочимъ, дядю своего Сумарокова, какъ поэта и автора, великому Ломоносову. Я былъ однажды свидѣтелемъ весьма интересной литературной, вѣрнѣе сказать, ругательной схватки между двумя потомками этихъ двухъ великихъ писателей давно минувшаго времени. Соперницей въ спорѣ съ Сумароковымъ была дѣвица Константина, внучка Ломоносова. Спорили, а потомъ бралились они между собой за обѣдомъ у Перекусихиной къ соблазну десятка собесѣдниковъ. Старушка-хозяйка долго съ негодованіемъ ихъ слушала и насилиу ихъ угомонила.

Перебравъ, сколько мнѣ пришло на память, болѣе или менѣе всѣ крупныя личности, посѣщавшія домъ Кикина, перехожу къ двумъ, тремъ изъ мелкихъ, которые особенно являлись туда къ обѣду и преимущественно въ воскресенье и праздничные дни. Гостепріимство этого дома было широкое, вполнѣ русское, а потому и вполнѣ безпорядочное. Съ утра никто изъ хозяевъ (а ихъ было полноправныхъ четверо: двѣ старушки, Марья Саввишна и ея племянница, Тарсукова, да чета Кикиныхъ) не зналъ кто пожалуетъ къ обѣду, т.-е. къ 3 часамъ дня, и мнѣ часто случалось быть за ихъ столомъ впроголодь, въ чемъ, впрочемъ, никто виноватъ не былъ. Недостанетъ бывало для всѣхъ какого-нибудь блюда, и я первый, какъ юнѣйший изъ собесѣдниковъ, подвергался дѣтскому наказанію: остатъ-

ся либо безъ жаркого, либо безъ пирожного. Прібѣжитъ къ столу какой-нибудь тринадцатый, и меня сажаютъ или высаживаютъ за особенный столъ. Меня это не оскорбляло, а забавляло и не удивляло. Я смотрѣлъ на такой ежедневный обычай, какъ на изнанку хваленаго нашего хлѣбосольства. Изъ этой категоріи посѣтителей самый замѣчательный, какой только былъ между ними, былъ стариkъ Ивановъ, когда-то очень благотворительный богачъ, что-то такое учредившій въ родѣ какого-то благотворительнаго заведенія. Онъ иногда при безденежки ссужалъ изъ своего кармана кикинскую семью и завоевалъ себѣ этимъ право обѣдать у нихъ, когда ему было угодно. Доживъ до глубокой старости, Ивановъ сохранилъ одинъ только желудокъ, не говорилъ, а мычалъ и ъль съ отвратительною жадностью. Карликъ Анчаковъ, изъ Грузинъ, былъ принимаемъ охотно для вистовъ и служилъ предметомъ, иногда очень грубыхъ, шутокъ Кикину.

Восьмилѣтнимъ мальчикомъ взять онъ былъ въ какой-то деревнѣ у своихъ родителей въ плѣнь буйной толпой Пугачева, отецъ и мать его были повѣшены, а его сняли съ веревки еще съ признаками жизни, когда эта толпа почему-то предалась бѣгству. Поэтому-то случаю каждый разъ предсказывалось ему, что онъ непремѣнно потонетъ, по вѣрному сравненію съ пословицей: «кому быть повѣшенну, тотъ не утонетъ». Къ удовольствію нашей домашней публики, онъ какъ-то вскорѣ женился на такой же, какъ и самъ лилипуткѣ, и изъ нихъ вышла премилая пожилая парочка. Болтливымъ гостемъ бывалъ тамъ часто одинъ морской офицеръ молодыхъ лѣтъ, Александръ Дмитріевичъ Валуевъ; онъ привезъ на свое мѣсто военномъ ко-

рабль, въ 1815 году, Кикина изъ Англіи и пользовался какъ услугливый и знаменитый путешественникъ, бывалый въ Англіи, всею свободою нѣсколько нахальной рѣчи. Его сосватали Кикины на родственницѣ нашей, Языковой, старшой сестрѣ Екатерины Михайловны Хомяковой, необыкновенно красивой молодой 20 лѣтней дѣвицѣ, которая отличалась, какъ и всѣ Языковы, необыкновенной дикостью, такъ что я, несмотря на всю мою короткость въ ихъ семье и даже ухаживанье за ней, когда она была невѣстой, къ явному негодованію и сватовъ, и самого жениха, никакъ не могъ добиться—была ли она сколько-нибудь умна. Съ хвастуномъ-мужемъ жила она недолго и оставила по себѣ четырехъ дѣтей, изъ коихъ одинъ, Дмитрій, былъ необыкновенно даровитый и въ то же время красивый юноша, работящій и смышленный труженикъ возникавшаго уже тогда общества славянофиловъ, издавшій «Дѣтскую библіотеку», «Симбирскій» и еще какой-то сборникъ. По выходѣ изъ университета онъ весь предался страстному изученію напущенного на него славянства, и отъ усиленныхъ трудовъ и изысканій, которыми никакъ не могли быть удовлетворены пылкія, возвышенныя стремленія его даровитой юности, впалъ въ злую чахотку. Присутствію въ немъ этой тяжкой болѣзни долго не хотѣлъ вѣрить наставникъ и учитель его, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ, и лѣчилъ гомеопатіей, какъ обыкновенную лихорадку. Другъ дяди его, поэта Языкова, московскій знаменитый врачъ Иноzemцевъ убѣдился, наконецъ, самъ, что у Валуева чахотка, увѣрилъ въ существованіи ея и другихъ членовъ кружка, способнаго увлекаться вѣрою въ мечты и сомнѣніемъ въ дѣйствительность, отправилъ, наконецъ, Валуева въ чужie края въ по-

днюю осень и уже полумертваго. Его довезли до Новгорода, гдѣ онъ и умеръ 23 ноября 1845 года. Изъ всѣхъ изданныхъ имъ сочиненій, самымъ замѣчательнымъ была обширная статья о «Мѣстничествѣ», надъ которой отчасти трудился онъ на моихъ глазахъ и уже страждущій въ нашемъ Солнышковъ. Надо, однако, сказать, что съ одной стороны запутанность избраннаго имъ никѣмъ еще не разработанного предмета, и болѣзненное состояніе автора—съ другой, дѣлали эту статью неудопонятною, а потому и неудобочитаemoю. По появленіи ея въ печати всѣ наши тогдашние серьезные журналы отдали ей громкую честь на своихъ страницахъ, обѣщаю отчетливый разборъ, который, однако, нигдѣ не явился. Нѣсколько разъ прочитывалъ онъ мнѣ написанное имъ о «Мѣстничествѣ» наканунѣ и вчернѣ, и когда я, что случалось часто, не могъ отыскать въ его выводахъ яснаго, здраваго смысла, то самъ помогалъ ему въ изысканіяхъ, а не разъ тутъ же набрасывалъ мои собственные замѣчанія. Онъ принималъ ихъ охотно и добродушно, и съ моего согласія они переходили въ текстъ статьи. Кромѣ собственныхъ своихъ усиленныхъ занятій, юный ревнитель народнаго просвѣщенія заставлялъ работать и всѣхъ ему близкихъ, начиная отъ своего великаго учителя Хомякова, которому онъ строго опредѣлилъ послѣобѣденное время, отъ 7 до 9 часовъ вечера писать «Семирамиду», т.-е. его историческія мечтанія. Мнѣ собственно срочнаго времени къ занятію не опредѣлялось, за то подъ его усидчивымъ надзоромъ работали охотно двѣ старшія мои дѣвочки, Варенька и Катенька, разбирая и переписывая для него столбцы. Работалъ для него и товарищъ его Пановъ и чуть ли не сами Иванъ и Петръ Кирѣевскіе. Ежедневно онъ

обходилъ заподряженныхъ имъ мастеровъ, наблюдалъ за работами, почему и прозванъ былъ мною часовщикомъ, повѣряющимъ по домамъ всяко го рода часы. Бѣдная его мать не дожила до того, чтобы порадоваться своимъ сыномъ, а безтолковый отецъ, также не долго проживши, не могъ предвидѣть въ немъ будущаго кратковременна го дѣятеля науки. Къ сожалѣнію, и самая наука, которой онъ предался всесѣло, почерпаема имъ была изъ возмущенныхъ страстями источникомъ. Съ любовью остановился я на этомъ юношѣ, какъ на быстро отзвѣтшемъ, среди песчанаго пространнаго поля, цвѣткѣ.

Перехожу не безъ насыщеки и не безъ злой улыбки къ перечню дамъ, посѣтительницъ Кикинскай гостиной, и отдаю первое почетное между ними мѣсто слѣпой, престарѣлой графинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой, извѣстной наперсницѣ Великой Екатерины во всѣхъ ея домашнихъ тайнахъ. Мнѣ она казалась ничѣмъ особенно не замѣчательна, и я позволяю себѣ ожидать подробнаго о ней повѣствованія отъ позднѣйшаго и послѣдняго посмертнаго платоническаго обожателя Екатерины II, Петра Ивановича Бартенева, *favori posthumus*. Вторая изъ барынь крупной безспорно величины была Настасья Дмитріевна Офросимова, перебѣгавшая послѣ своего вдовства изъ Москвы въ Петербургъ для бдительнаго надзора за гвардейской службой своихъ двухъ или трехъ сыновей, изъ коихъ младшему, капитану гвардіи, было уже гораздо за 30 лѣтъ. Обращаясь нахально со всѣми членами высшаго московскаго и петербургскаго общества, дѣтей своихъ держала она въ страхѣ Божиѣ и въ порядкѣ и говорила съ любовию о ихъ безпрекословномъ къ ней повиновеніи: «у меня есть руки, а у нихъ щеки». На этихъ

основаніяхъ, какъ увѣряли, обходилась она и съ дочерью. Кажется, я уже говорилъ о ней по случаю кончины моего отца въ 1814 году и о томъ, какъ она сама вызвалась снабдить насъ съ теткой въ это время деньгами. Она любила мою мать, которая ея страшно боялась, а отецъ, хотя и уважалъ, но избѣгалъ, сострадая угнетенному ею добродушному и кроткому ея мужу, котораго она, какъ сама признавалась, тайно похитила изъ отцовскаго дома къ вѣнцу. Павель Дмитріевичъ Офросимовъ былъ однако боевой генераль времень Потемкина и съ георгіевскимъ крестомъ, носилъ парикъ, и однажды подвергся за какое то слово публичному оскорблению отъ жены, которая,ѣхавшая съ нимъ по улицѣ въ открытой коляскѣ, сняла съ него этотъ парикъ, бросила на мостовую и велѣла кучеру прибавить ходу. Бойкость характера Настасии Дмитріевны извѣстна была обществу обѣихъ столицъ и самому Императору. Надо сказать, что она всегда стояла за правду и вездѣ громогласно поражала порокъ. Еще въ 1809 году, когда Государь Александръ вмѣстѣ съ своей сестрой, В. К. Екатериной Павловной, посѣщалъ Москву, Офросимовой удалось однимъ словомъ съ выразительной жестикуляціей уничтожить взяточника, сенатора С. Вотъ какъ это было: Государь сидѣлъ въ своей маленькой ложѣ надъ сценой небольшого московскаго на Арбатской площади театра; Офросимова, не подчинявшаяся никоимъ обычаямъ, была въ первомъ ряду кресель и въ антрактѣ, привставъ, стала къ рампѣ, отдѣляющей партеръ отъ оркестра, судорожно засучивая рукава своего платья. Увидѣвъ въ 3 или 4 № бенуара сенатора, она (замѣтте, что театръ былъ очень небольшой, и зала болѣе чѣмъ въ половину уже нынѣшней), въ виду всѣхъ пальцемъ погро-

зила сенатору и, указавъ движениемъ руки на ложу Государя, громогласно во всеуслышаніе партера произнесла: «С., берегись!» Затѣмъ она преспоюно сѣла въ свои кресла, а С., кажется, вышелъ изъ ложи. Очень понятно, что Государь началъ разспросы, что бы все это могло значить. Ему были вынуждены объяснить, что дѣйствительный тайный совѣтникъ М. Г. С. хотя и почитается въ обществѣ самымъ дѣльнымъ изъ всѣхъ московскихъ сенаторовъ, но въ тоже время многими, и не безъ вѣроятности, признается взяточникомъ. Черезъ нѣсколько времени сенаторъ С. былъ отставленъ.

Любя покровительствовать молодымъ людямъ и зная меня съ моего дѣтства, она и меня однажды сильно огорчила. Возвратившись въ Россію изъ-за границы въ 1822 году и не успѣвъ еще сдѣлать въ Москвѣ никакихъ визитовъ, я отправился на балъ въ Благородное собраніе; туда по вторникамъ съѣзжалось иногда до двухъ тысячи человѣкъ. Издали замѣтилъ я сидѣвшую съ дочерью на одной изъ скамеекъ между колоннами Настасью Дмитріевну Офросимову и, предвидя бурю, всячески старался держать себя отъ нея вдали, притворившись, будто ничего не слыхалъ, когда она на поль-залы закричала мнѣ: «Свербеевъ, поди сюда!» Бросившись въ противоположный уголъ огромной залы, надѣялся я, что обойдусь безъ грозной съ нею встрѣчи, но не прошло и четверти часа, дежурный на этотъ вечеръ старшина, мнѣ незнакомый, съ учтивой улыбкой пригласилъ меня итти къ Настасье Дмитріевнѣ. Я отвѣчалъ: «сейчасъ». Старшина, повторя приглашеніе, объявилъ, что ему приказано меня къ ней привести. «Что это ты съ собой дѣлаешь? Не бѣсь давно здѣсь, а у меня еще не былъ! Видно та-

скаешься по трактирамъ, по кабакамъ, да гдѣ-нибудь еще хуже, сказала она, оттого и порядочныхъ людей бѣгаешь. Ты знаешь, я любила твою мать, уважала твоего отца... и пошла, и пошла! Я стоялъ передъ ней, какъ осужденный къ торговой казни, но какъ всему бываетъ конецъ, то и она успокоилась: «Ну, Богъ тебя проститъ; завтра ко мнѣ обѣдать, а теперь давай руку, пойдемъ ходить!»—Дочь ея, стройная и строгая двадцатипятилѣтняя дѣвица Елена (кажется, впервые въ московскомъ обществѣ начала она называться этимъ облагороженнымъ именемъ вмѣсто Алены) пошла съ нами. Тутъ новая бѣда: вмѣсто того, чтобы ходить, какъ это дѣлали всѣ, по краямъ огромнѣйшей залы, Настасья Дмитріевнѣ угодно было гулять зигзагами и перекрещивать всю эту громаднѣйшую площадку изъ конца въ конецъ. Напрасно дочь и я робко замѣтили было ей, что такимъ образомъ мы мѣшаемъ всѣмъ танцующимъ, а въ это время танцевали нѣсколько кадрилей, она отвѣчала громко: «мнѣ, мои милые, вездѣ дорога!» И дѣйствительно, сотни пляшущихъ отъ насъ сторонились и уготовляли намъ путь, широкій и высокоторжественный.

Самой передовой дамой всего этого общества была Агаѳоклея Марковна Сухарева. Не даромъ была она урожденная Полторацкая, изъ того недавно вышедшаго изъ купцовъ семейства, въ коемъ всѣ братья и сестры отличались и рѣзкимъ тономъ и необыкновенною во всѣхъ родахъ предпримчивостью. Старшій изъ братьевъ Дмитрій Марковичъ, изучивъ въ Англіи въ послѣднюю половину XVIII-го столѣтія сельское земледѣліе, ввелъ много нового въ своихъ огромныхъ имѣніяхъ, заводилъ разные заводы и фабрики и хотя не-много поразстроилъ свое состояніе, но все-таки оста-

виль порядочный кусокъ въ конецъ теперь разорившемуся, хотя и умному сыну Сергею Сухарева же, о которой я сейчасъ упомянулъ, кроме прирожденныхъ въ семье хозяйственныхъ занятій, принимала тогда дѣятельное участіе въ какихъ то благотворительныхъ обществахъ по части воспитанія дѣвицъ. Наконецъ не обошлось и безъ дамъ, такъ сказать, литературныхъ и политическихъ, хотя и не пренебрегавшихъ картами. Такихъ была пара, и обѣ дѣвицы: одна—Хвостова, другая—Марья Павловна Сумарокова, чуть ли и до сихъ поръ не здравствующая сестра графа. Тогдашнія дамы самаго высшаго полета бывали въ этомъ домѣ только съ визитами и очень рѣдко. Таковы были: la princesse Moustache, т.-е. Наталья Владимировна Голицына, ея дочери, Строгонова и Апраксина, графиня Литта, княгиня Салтыкова и прочія. У Кикиныхъ не было обыкновенія представлять молодыхъ людей и короткихъ своимъ знакомымъ, потому высшее общество дѣлалось намъ этимъ путемъ совершенно неприступнымъ. Говоря вообще, всякаго рода юноши, либо родственники, либо являвшіеся въ этомъ домѣ по связямъ съ провинциальными родичами, были дѣйствующими лицами безъ рѣчей, и только тѣ, которые были, какъ я, посмѣлѣ съ дамами и барышнями, поступали въ *Animali parlanti*. Самую молчаливую роль изъ этихъ юношей разыгрывалъ Н. И. Бахтинъ. Ему очень хотѣлось стать на ноги и не удавалось. Хозяинъ, видя заносчивость своего посѣтителя и чиновника, всегда какъ будто нарочно его осѣкалъ и не давалъ ему хода. Самую жалкую роль разыгрывалъ Александръ Михайловичъ Языковъ, поступившій по выходѣ изъ Горнаго корпуса въ канцелярію; никѣмъ не замѣченный, хотя и очень красивый, онъ приходилъ къ обѣду и уходилъ послѣ

кофе, не проговоривъ ни одного слова, кроме обычныхъ отвѣтовъ о здоровьѣ, симбирскомъ батюшкѣ и матушкѣ. Такъ поступали и съ входившими туда со страхомъ, изъ одного приличія, разными мелкими чиновниками другихъ вѣдомствъ, юнкерами и даже гвардейскими офицериками. Всѣмъ имъ было томительно скучно и чрезвычайно неловко; военные всегда были въ строгой формѣ, застегнутой на всѣ крючки, а часто и руки по швамъ, отвѣчая старшему по чину, юнкера безъ позволенія офицеровъ не смѣли садиться, *pour autres r閜uins*, т.-е. штатскіе всегда въ благоустроенному туалетѣ, во фракахъ, въ панталонахъ подъ высокіе сапоги съ кисточками, т.-е. гусарскіе, или какъ назывались по французски *à la Souvoroff*; но черныхъ фраковъ и жилетовъ тогда еще нигдѣ не носили, кроме придворнаго или семейнаго траура. Черный цвѣтъ, какъ для мужчинъ такъ и для дамъ, считался дурнымъ предзнаменованіемъ, фраки носили коричневые или зеленые и синіе съ свѣтлыми пуговицами,—послѣднія были въ большомъ употребленіи; панталоны и жилеты свѣтлыхъ цвѣтовъ, а франты, какимъ иногда осмѣливался показаться и я, позволяли себѣ сапоги съ желтыми отворотами. Этикетная Марья Саввишна сначала на такие сапоги косилась, но потомъ привыкла. Она, приученная, привыкшая къ фижмамъ и роброндамъ, къ высокимъ головнымъ уборамъ Екатерининскихъ и Павловскихъ временъ, къ французскимъ кафтанамъ и разнымъ мундирамъ совсѣмъ другой формы, а всего болѣе къ пурпурѣ у мужчинъ и женщинъ, въ послѣдніе годы своей жизни, т.-е. въ началѣ 20 годовъ, часто повторяла: «Всѣ вы, какъ посмотрю я на васъ, какие то общипанные, какъ будто сейчасъ вышли изъ бани». Однажды, опоздавъ нѣсколько къ обѣду (по тогдаш-

нему обычаю приходили за полчаса и ранѣе), вошелъ я въ гостиную, широкія двери коей были какъ разъ противъ небольшого у противоположной стѣны столика, за которымъ съ двумя, тремя дамами сидѣла въ своихъ креслахъ всегда тщательно разодѣтая Марья Саввишна. Взглянувъ на меня ласково, когда я ей почтительно поклонился, она вдругъ строго и очень громко спросила: «Что ты, батюшка? Что съ тобой?» Я подумалъ, что это былъ упрекъ за то, что явился поздно къ обѣду и сталъ извиняться. «Не то, совсѣмъ не то, а ты посмотри на себя, каковъ ты самъ!» Я осмотрѣлся и угадалъ сейчасъ же, что ей коробятъ глаза мои лѣтніе сверхъ сапогъ, бѣлые какъ снѣгъ, панталоны, которые болѣе уже мѣсяца принято было носить въ первыхъ петербургскихъ домахъ. «Ну, голубчикъ, что же ты молчишь?» Я началъ было робко объяснять исторію нововведенія бѣлыхъ панталонъ, она не дала мнѣ договорить. «Не у меня только, не у меня! Ко мнѣ, слава Богу, никто еще въ порткахъ не входить. Отправляйся домой, переодѣнься и непремѣнно пріѣзжай къ обѣду; я буду ждать». Нечего было дѣлать, уѣзжать было не хотѣлось, а возвращаться еще менѣше, однако я къ обѣду пріѣхалъ. Она похвалила за послушаніе, племянницы и внучка извинялись въ строгости старушки, хозяинъ и прочие гости надо мной посмѣшивались.—Марья Саввишна сама всѣмъ рассказывала какъ бы для общаго урока, что она со мной проѣздала.

Остается мнѣ припомнить въ числѣ дамъ, коротко знакомыхъ въ этомъ домѣ, Марью Александровну Комненъ, гречанку по себѣ и по мужу, вдову генерала этого имени, кажется, убитаго на войнѣ. Ко мнѣ болѣе всѣхъ другихъ барынь была она ласкова и все добро-

душно говорила мнѣ о своихъ двухъ красавицахъ дочеряхъ, изъ коихъ одна была чудная пѣвица, а обѣ воспитывались въ Смольномъ монастырѣ. Лѣтъ черезъ 30 одну изъ нихъ встрѣтилъ я вдовою сенатора Пешурова въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ она жила у дочери своей Трубецкой, жены теперешняго воронежскаго губернатора. Другая сестра Пешуровой была за первымъ нашимъ посланникомъ въ Греціи, Катакази. Моя милая старушка Комненъ, ихъ мать, знала о томъ, что мужъ ея былъ однимъ изъ потомковъ греческаго императора, но не слишкомъ этимъ важничала, а Кикинскія дамы, видя кое-когда нашу съ ней дружбу, подсказывали мнѣ, что не мѣшало бы мнѣ со временемъ посвататься за одну изъ нихъ и предлагали, чтобы ихъ узрѣть въ стѣнахъ Смольнаго монастыря, сѣѣздить для смотринъ съ ними на одинъ изъ публичныхъ баловъ этого воспитательнаго заведенія. Я обѣщаюсь, сбирался и конечно не собрался.

Точно такъ же, какъ это я сдѣлалъ въ разсказахъ моихъ о моемъ трехгодичномъ пребываніи въ университѣтѣ, описать его за одинъ такъ сказать присѣсть, и четырехгодичное пребываніе мое на службѣ въ Петербургѣ, за исключеніемъ двухъ-или трехлѣтнихъ промежутковъ, т.-е. въ Москвѣ или въ деревнѣ, описывать здѣсь для моего и для читателей моихъ удовольствія безъ перерыва.

За исключеніемъ Кикинскаго дома у меня было мало знакомыхъ въ Петербургѣ семейныхъ домовъ, въ которыхъ я бывалъ, какъ говорится, вхожъ. Такихъ домовъ было еще у меня всего два: семья московскихъ Норовыхъ, гдѣ я бывалъ и охотно и часто, и вдова друга моего отца Новосильцева, куда я являлся изъ подъ палки. Старушка Норова, лѣтъ подъ 60, уро-

жденная княжна Голицына, свѣжая умомъ и очень слабая здоровьемъ, перѣхала изъ Москвы съ мужемъ и двумя сыновьями, которыхъ она опредѣлила юнкерами въ конно-гвардейскій полкъ. Изъ дѣтей старшій сынъ, Александръ, былъ добрый, но весьма ограниченный малый; меньшой—гораздо болѣе развитой, не имѣвшій отвращенія къ книгамъ и отличный музыкантъ. Къ радушной, гостепріимной и доброй хозяйкѣ, давно отказавшейся отъ всѣхъ своихъ свѣтскихъ и широко родственныхъ связей по слабому здоровью и желанію жить для однихъ сыновей, почти ежедневно собиралась вся конногвардейская молодежь и нѣкоторые изъ другихъ гвардейскихъ полковъ, офицеровъ и юнкеровъ изъ лучшихъ фамилій. У нихъ узналъ я довольно коротко и будущаго министра народнаго просвѣщенія, Абрама, и брата его, декабриста Василія, Норовыхъ, родныхъ племянниковъ хозяйки, равно какъ и племянника хозяйки, нынѣшняго графа Сумарокова. Всѣ трое были они старѣйшими изъ посѣтителей молодого поколѣнія. Къ нимъ же на ваканціонное время прїѣзжалъ изъ Дерпта преостренѣкимъ и презабавнымъ мальчикомъ Николай Киселевъ, недавно умершій послѣ скорой женитбы на итальянкѣ, братъ бывшаго нашимъ посломъ въ Парижѣ графа, и теперь еще тамъ пребывающаго. Коля Киселевъ привозилъ мнѣ изъ Эстляндіи вѣсти и поклоны отъ буйнаго поэта Николая Языкова, съ которымъ онъ и съ общимъ ихъ пріятелемъ собутыльникомъ, графомъ Соллогубомъ, проводилъ разгульные вечера и ночи, предаваясь болѣе пивному хмѣлю, чѣмъ постылому для нихъ всѣхъ изученію глубокомысленныхъ лекцій нѣмецкихъ своихъ профессоровъ. Въ это время Киселевъ отличался замѣчательнымъ даромъ рисовать со всѣхъ и каждого

весьма похожіе портреты и кое-когда забавлять и наѣтъ своими остроумными карикатурами. Все, казалось, дышало въ этой семье счастьемъ и довольствомъ, но хозяинъ велъ семью къ неминуемому разоренію, и умная и кроткая мать семейства видимо съ каждымъ днемъ отъ этого таяла, всячески стараясь подавить свое горе. Вскорѣ потомъ старушка Норова кончила жизнь. Старшій сынъ, бывшій моимъ шаферомъ, вышелъ въ отставку полковникомъ и жилъ, а можетъ-быть живеть и теперь, въ Черниговской губерніи; второй, исполненный дарованій, умный и честный, былъ нѣсколько лѣтъ товарищемъ ministra финансовъ, вышелъ съ пансіономъ въ отставку, прожилъ лѣтъ десять въ чужихъ краяхъ, преимущественно въ Сѣверной Италии и Швейцаріи, имѣя вездѣ съ собой вмѣсто жены и семьи отличный рояль Плейеля, и за два дня до моего возвращенія изъ Парижа умеръ скоропостижно весной 1870 г.

Вдова Катерина Александровна Новосильцева жила въ мое время въ какомъ-то длинномъ, уродливомъ домѣ на Сѣнной площади вмѣстѣ съ двумя своими чванчными сыновьями. Старшій Александръ былъ еще при Наполеонѣ при посольствѣ нашемъ въ Парижѣ. Второй, Николай Петровичъ (названный этимъ именемъ въ честь моего отца), женатый на графинѣ Апраксиной, былъ до самой смерти вдовствующей Императрицы Маріи вторымъ послѣ Вилламова секретаремъ, и, какъ говорятъ, служилъ, ей честно и усердно, но онъ до того былъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы внѣшно и внутренно, что не могъ внушать симпатіи къ себѣ ни хозяевамъ, ни посѣтителямъ дома его матери, а равно и Кикинского. Мнѣ же особенно надоѣдалъ онъ частыми и никогда мною непрошеными обѣщаніями

высокой своей протекії въ память моего отца. Этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы отбить у меня всякую охоту посѣщать домъ Новосильцевыхъ.

По неимѣнію, какъ видите, большого знакомства и по тогдашнему недостатку въ увеселеніяхъ другого рода, я, убѣдясь въ непреодолимомъ затрудненіи быть членомъ петербургскаго клуба, для чего нужна была особенная и сильная протекія, сдѣлался театраломъ и тотчасъ послѣ Великаго поста взялъ себѣ годовое кресло въ 3-мъ ряду большаго русскаго театра. Избѣгая сосѣдства, выбралъ я себѣ мѣсто къ стѣнѣ рядомъ съ проходомъ въ первыя ряды партера. Сначала великолѣпные балеты и довольно порядочныя, особенно на мои тогдашніе глаза, декорации и вся постановка на сцену большихъ русскихъ оперъ меня много занимала. Переводныя доморощенныя трагедіи того времени исполнялись также довольно удовлетворительно. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ представляли обыкновенно тѣ самыя пошлыя произведенія неприхотливаго и необлагороженнаго нашего тогда сценическаго искусства, которыя могли нравиться одному райку. Надо отдать справедливость,—на петербургской сценѣ были во всѣхъ родахъ отличные актеры. Разумѣется, такими были не всѣ, ensemble'я иногда не было; но по сравненію съ московскимъ театромъ петербургскій былъ выше во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1818 году уже перестали давать русскія трагедія прошлago вѣка Сумарокова и Княжнина, которыми по воспоминанію все еще восхищались допотопные члены Державинской «Бесѣды любителей русскаго слова». Всѣхъ прошлыхъ трагиковъ замѣнилъ любимый тогда публикой Владиславъ Александровичъ Озеровъ; талантомъ его дорожила и императорская театральная ди-

рекція, находившаяся подъ управлениемъ вельможи и русскаго барина, отличавшагося остроумнымъ празднословиемъ, оберъ-каммергера Александра Львовича Нарышкина. Озеровскія трагедіи: «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Фингаль», взятый изъ подложнаго Оссіана, «Поликсена» и въ особенности «Дмитрій Донской»—были любимыми пьесами. Въ нихъ во всѣхъ восхищала и увлекала зрителей великолѣпная, хотя немного и слишкомъ народная красавица, Семенова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за князя Гагарина. Еще въ 1811 году соперничала она въ игрѣ съ знаменитой парижской актрисой Mademoiselle Georges, и тогда въ высшемъ обществѣ Москвы и Петербурга руссофилы стояли за превосходство своей, а европейцы, имѣвшіе болѣе вкуса и менѣе предубѣждений, отстаивали общую европейскую знаменитость. Въ тогдашнихъ журналахъ встрѣтить можно нескончаемые о томъ споры. По рукамъ ходили и бранные стихи, въ которыхъ поклонники Mademoiselle Georges, какъ и слѣдовало,—да, къ сожалѣнію, какъ слѣдуетъ,—и теперь обзываются измѣнниками и врагами отечества. Впрочемъ, надо отдать справедливость великолѣпной Семеновой: у нея было много дарованія, много души, и къ таланту ея оставаться равнодушнымъ было невозможно, хотя она и не всегда была вѣрна строгой гармоніи стиха, повторяя его съ голоса и не имѣя никакого понятія о мѣрѣ и цезурѣ. Усовершенствованіемъ ея драматическихъ способностей и строгимъ наблюденіемъ за ея декламацией съ любовью занимался известный нашъ комикъ князь Шаховской и отчасти всецѣло преданный успѣхамъ русскаго театра издатель «Семейной Хроники» С. Тим. Аксаковъ.

Первою пѣвицей нашей оперы была меньшая сестра Семеновой, молодая, стройная и необыкновенно краси-

вая. У нея былъ пріятный, обширный, но совсѣмъ не выработанный голосъ; она фальшивила нестерпимо и, сколько помнится, я, по милости ея, равно и всѣхъ другихъ пѣвицъ и пѣвцовъ, ни разу не высиживалъ цѣлой оперы. Это была для меня своего рода пытка. Балеты шли превосходно и преимущественно посѣщались высшимъ обществомъ. Всѣ мужчины, которые были сколько-нибудь на виду, отъ старика до юноши, считали обязанностью посѣщать эти великолѣпные представленія. Первой танцовщицей была Истомина, и Пушкинъ воспѣлъ ее превосходными стихами въ своемъ Онѣгинѣ. Въ русской пляскѣ, которою тогда, какъ въ самомъ костюмѣ, такъ и въ художественномъ исполненіи, конечно облагороженномъ, отличалась г-жа Колосова, мать Карагиной, и французъ Огость.

Междуди трагиками и пѣвцами большихъ талантовъ не было; Брянскій, игравшій главныя роли пьесъ Озерова, уступалъ во всемъ дарованію Семеновой, но не портиль исполненія пьесы; зато пѣвецъ Самойловъ пѣлъ лучше и вѣрнѣе, нежели красивая сестрица первоклассной петербургской актрисы. Очень хорошо шла комедія, особенно сравнительно съ московской сценой. Театралы обѣихъ столицъ, бывавшіе въ Парижѣ, Брюсселѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и щеголявшіе своимъ вкусыомъ, говорили обыкновенно,—и, по-моему, преувеличенно,—что о петербургскомъ театрѣ можно по крайней мѣрѣ сказать, что онъ прескверный, а о московскомъ нельзѧ даже сказать и этого. Петербургскія комическія актрисы и первая изъ нихъ, Валберхова, отличались весьма приличной выдержкою на сценѣ; онѣ не пѣли, не кричали и не пищали, какъ это бывало между русскими барынями средняго общества, купчихами и горничны-

ми, и это тѣмъ поразительнѣе, что нашимъ актрисамъ не было кому и подражать. Всѣ дамы высшаго общества, за весьма рѣдкими исключеніями, по-русски не говорили и говорить не умѣли. Послѣ Валберховой по таланту первая была актриса Воробьева 1, очень молоденькая и хорошенъкая, только-что вышедшая замужъ за превосходнаго въ благородныхъ роляхъ Сосницкаго, который и до 70 года не сходилъ, кажется, со сцены, подобно бессмертному товарищу своему московскому Живокини. Кромѣ переложенныхъ съ французскаго въ дурныхъ переводахъ Мольеровскихъ комедій, охотно смотрѣли пьесы Шаховскаго и небольшая, очень удачная комедія въ хорошихъ и правильныхъ стихахъ Хмѣльницкаго. Изрѣдка давалась еще «Модная лавка» баснописца Крылова, и превосходно шла старинная комическая оперетка «Мельникъ» Аблесимова и небольшая комедія-оперетка Шаховскаго «Казакъ-стихотворецъ». За всѣмъ этимъ русскій репертуаръ былъ не великъ, лучшія пьесы повторялись поневолѣ очень часто, и собственно говоря не знакомый ни съ кѣмъ изъ театральной публики и ни съ однимъ изъ актеровъ, совершенно равнодушный ко всѣмъ актрисамъ я бывалъ въ русскомъ театрѣ какъ бы по обязанности или оттого, что мнѣ вечеромъ некуда было дѣваться. Нѣмецкій театръ былъ поувѣренію знающихъ этотъ языкъ несравненно удовлетворительнѣе; на немъ къ сожалѣнію рѣдко давалась опера, но шла прекрасно. Была небольшая французская труппа, но, кажется, одинъ только годъ. Она разыгрывала любимыя тогдашнія пьесы парижскаго театра: «Faydeau» и «Les deux journées» Херубини, «Khalif de Bagdad», «Le nouveau seigneur du village», «Boeldieu». Эти же самыя пьесы игрались и на боль-

шой сценѣ. Больше всего забавлялъ меня комическій балетъ при этой маленькой французской труппѣ; никто давно такъ меня не смѣшилъ своими прыжками и мимикой, какъ танцоръ французъ André.

Живя вмѣстѣ съ Никольскимъ на квартирѣ довольно помѣстительной и въ самомъ центрѣ города, еженощельно собирали мы разный народъ къ себѣ обѣдать. То были либо юнѣйшіе изъ моихъ товарищѣй по канцеляріи Кикіна, либо наши общіе съ Никольскимъ товарищи же двухъ поколѣній, собственно его и мои, по московскому университету. Немногихъ приглашали сбоку для карточной игры. Такими бывали изъ канцелярскихъ—Бахтинъ, Гофманъ, собиратель шампанскихъ пробокъ Шимановскій, скромный какъ красная дѣвушка и красивый какъ она Александръ Михайловичъ Языковъ, а иногда и старшій братъ его Петръ. Изъ московскихъ—Семеновъ, Яковлевъ, Лакерда, Сафоновичъ, кой когда два брата кавалергарды Львовы, братья Норовы и съ ними камеръ-пажъ рабчикъ-Голицынъ, не носившій тогда еще этого прозванія.

Возвращаюсь къ своимъ застольникамъ. Обѣдъ бывалъ у насъ не ахти роскошный, но вина много. Послѣ обѣда и небольшой бесѣды садился я за винтъ часовъ до 9 или до 10. Никольскій же, въ игрѣ необыкновенно раздражительный, сидѣлъ до позднихъ пѣтуховъ или раннихъ обѣденій. Съ запоздалыми игроками я не перемонился: либо отъ нихъ уѣзжалъ, либо, кончивъ свою партію около полуночи, уходилъ въ свою отдаленную спальню. Вставъ часу въ 9-мъ утра, не разъ заставалъ я Никольскаго съ своими партнерами за тѣмъ же столомъ, проигравшагося въ пухъ сравнительно по цѣнѣ своей игры и по небольшимъ своимъ

средствамъ. Страсть къ картамъ доводила его до того, что онъ проигрывалъ почти все свое жалованье. Не таковъ былъ ближайшій ему и мнѣ, общій намъ пріятель Семеновъ, мудрѣйшій и хладнокровнѣйшій изъ всѣхъ тѣхъ отцовъ-студентовъ, которыхъ я въ описаніи университетской своей жизни называлъ патриціями, конечно, не по знаменитости рода, а по успѣхамъ въ познаніяхъ, вынесенныхъ ими сперва изъ семинаріи, а потомъ и изъ самого университета. Но вся эта мудрость, все это ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе, все это глубокое изученіе энциклопедистовъ XVIII столѣтія, ровно какъ и современныхъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта, не могли спасти Семенова отъ гибели. На основаніи почерпнутыхъ имъ изъ книгъ свѣдѣній о политическихъ утопіяхъ увлекаемый всѣми наглядными обольщеніями представительныхъ правленій, такъ еще недавно введенныхъ во Франціи и вводимыхъ не безъ крови въ Испаніи, Германіи и Италіи, онъ стремился къ исполненію одной задушевной мысли—учредить какимъ бы то ни было путемъ, мирнымъ или кровавымъ, представительное правленіе и у насъ въ Россіи; сошелся со всѣми тогдашними заговорщиками противъ самодержавія и старался болѣе многихъ изъ нихъ пріобрѣтать новыхъ членовъ тайному обществу 14 декабря 1825 г. Въ 1818 году Семеновъ жилъ въ домѣ роскошнаго и впослѣдствіи промотавшагося графа Сергѣя Павловича Потемкина, женатаго на великолѣпнѣйшей изъ красавицъ, нынѣшней все еще изящной, элегантной старушкѣ, Елизавѣтѣ Петровнѣ Потчадской. Онъ былъ наставникомъ меньшого ея брата, князя Никиты, коротко познакомился съ старшимъ ея братомъ, княземъ Сергѣемъ Петровичемъ, а вѣроятно черезъ него со всѣми находившимися тогда въ Петер-

бургъ членами тайного ихъ общества. Искренно и съ давнихъ уже порь любя меня, съ первой нашей университетской встрѣчи, желалъ онъ ввести и меня въ это общество, но въ Никольскомъ уже отчаялся. Часто, очень часто говориваль онъ намъ, Никольско-му, Александру Языкову и мнѣ, о своихъ великихъ надеждахъ на будущее и, не разоблачая всѣхъ своихъ тайнъ, краснорѣчиво приглашалъ всѣхъ троихъ стремиться всѣми силами къ этому идеалу Россіи, который онъ, подобно многимъ, себѣ создалъ. Меня особенно, какъ болѣе изъ всѣхъ троихъ толкавшагося въ обществѣ, непремѣнно и упорно желалъ онъ познакомить съ княземъ Сергеемъ Петровичемъ Трубецкимъ, Е. П. Оболенскимъ и Федоромъ Шаховскимъ, равно съ офицеромъ штаба Корниловичемъ и съ Федоромъ Николаевичемъ Глинкой, который, несмотря на то, что былъ адъютантомъ Милорадовича, тоже принадлежалъ къ этому обществу. Семеновъ въ это время служилъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, коего директоромъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и былъ очень коротко знакомъ съ братомъ его Николаемъ, съ коимъ также предлагаль мнѣ познакомиться, какъ съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей замышляемаго преобразованія Россіи. Юношу своего, Никиту, приводилъ онъ иногда къ намъ, и я встрѣчалъ его у Семенова, когда послѣдній зазывалъ нась къ себѣ. Потемкины жили тогда на Милліонной рядомъ съ канцеляріей Кикина, и я заходилъ бывало оттуда къ нему со службы, но быть представленнымъ имъ въ домѣ Потемкиныхъ по непобѣдимой моей дикости я рѣшительно отказался. Отъ всѣхъ же другихъ знакомствъ, предлагаемыхъ мнѣ съ извѣстною политическою цѣлью Семеновымъ, отрекся уже не

по дикости, а по частымъ и серьезнымъ внушеніямъ Никольского. «Это ихъ къ добру не поведетъ», говориваль онъ мнѣ съ искреннимъ ко мнѣ участіемъ, «за что же намъ изъ однихъ пустяковъ гибнуть съ ними?» Семеновъ никогда вполнѣ весь намъ не высказывался, но разъ на возраженіе ему Никольского противъ неодолимыхъ трудностей достигнуть ихъ желанной цѣли невольно проговорился. Никольскій задалъ ему вопросъ, состоявшій въ томъ: «Положимъ, вамъ удастся склонить Императора Александра къ отреченію отъ престола, хотя и это немыслимо, но что же вы сдѣлаете съ другими членами Императорской фамиліи? Они, подобно царствующей надъ нами Главѣ, не согласятся ни на какую вашу конституцію.» — «Мы, отвѣчалъ онъ, удалимъ ихъ изъ Россіи, или — вы понимаете — у насть есть много людей, готовыхъ пожертвовать жизнью; они увѣрены, и не напрасно, что оставшиеся послѣ принесенія ими себя въ жертву не останутся въ краиности. Имъ поможетъ и будетъ имъ покровительствовать все наше общество.】

Никольскій и я, мы часто толковали наединѣ о сообщаемыхъ намъ Семеновымъ предположеніяхъ. Думаю, что и осторожный мой quasi-наставникъ рѣшительно ничего не зналъ о существованіи тогдашихъ политическихъ тайныхъ обществъ, а тѣмъ менѣе вѣрилъ, чтобы неизвѣстные или предугадываемые члены оныхъ когда бы то ни было рѣшились привести въ исполненіе свои замыслы; но онъ все-таки боялся за меня, моей молодости, способной увлекаться всѣмъ, что съ первого взгляда можетъ казаться молодымъ людямъ и великимъ и благороднымъ. Оберегая меня внимательно въ этомъ отношеніи, онъ не только отсовѣтовалъ мнѣ вступить въ знакомство съ тѣми лицами, на ко-

торыхъ указывалъ намъ Семеновъ, но и убѣждалъ во всѣхъ случаяхъ быть сколько возможно осторожнѣе, чтобы невинно не подвергнуться зоркой политической полиції. Я съ моей стороны зналъ уже, до чего могли быть опасны неосторожныя рѣчи и разныя выходки и, давъ слово Кикину хранить молчаніе, даже и Никольскому не рассказалъ о моей съ начальникомъ моимъ сценѣ. Послѣ нея мнѣ, отрезвленному отъ минутнаго либерального опьяненія, и безъ внушенія Никольскаго никакіе Семеновы не могли быть опасны, а по моему сдержанному и разсудительному характеру всякое политическое мечтаніе находилъ я несбыточнымъ и даже преступнымъ, если бы оно, что было впрочемъ неизбѣжно для достиженія успѣха, далеко не вѣрного, потребовало хоть одну каплю крови. Точно также и на Александра Языкова, съ которымъ Семеновъ такъ часто видался, не могъ онъ никакъ дѣйствовать. Это была другого рода плодотворная почва; надолго осталась она во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ не воздѣлана. Не столько благоразумная осторожность, сколько Языковская лѣнь и апатія толстой корой возлегла на эту благородную почву, трудную для глубокаго воздѣлыванія. Какъ бы то ни было, эта самая апатія была для всѣхъ трехъ братьевъ спасеніемъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не подвергался, подобно мнѣ, различнымъ политическимъ искушеніямъ и не пріобрѣлъ, какъ я, въ раннихъ притомъ годахъ молодости моей, политической опытности. Я давно собирался, не думая еще о запискахъ, дать себѣ и моимъ дѣтямъ, такъ сказать, отчетъ въ моемъ политическомъ поведеніи, представить имъ во всей полнотѣ мою политическую исповѣдь. Долго думалъ я, что мнѣ придется притуплять мои наступа-

тельныя оружія при нападеніи на такъ много пострадавшихъ моихъ противниковъ, но теперь, сверхъ всѣхъ ожиданій, пришло время уже не нападать на нихъ, сохраняя въ то же время и высуженное ими уваженіе къ ихъ великодушнымъ и безкорыстнымъ, по крайней мѣрѣ относительно большого числа лицъ, заблужденіямъ. Пришло время самому защищаться противъ косвенныхъ нападеній на всѣхъ насъ, тогда еще довольно юныхъ, но уже взрослыхъ современниковъ этой эпохи, почему мы не пошли вмѣстѣ съ ними и уклонились, дѣятельно или мысленно, стать въ ряды приснопамятныхъ тогдашнихъ мятежниковъ. Пришло время отвѣтить на недавно предложенный мнѣ лично вопросъ: почему я, честный и благородный, по мнѣнію опрошателя, не присталъ къ нимъ? Въ свое время робкою рукой дотронусь до мятежа 1825 г. и осторожно, хотя и искренно и откровенно, изложу я мое о немъ мнѣніе. Точно также въ свое время представляю себѣ выскажаться, почему не принялъ я дѣятельнаго участія и, напротивъ, устранилъ отъ него себя въ другую современную мнѣ эпоху эманципаціи и освобожденія. Въ первомъ случаѣ могутъ еще упрекать мнѣ до моихъ объясненій въ излишнемъ или слишкомъ осторожномъ благоразуміи, предохранившемъ меня отъ зо-тилѣтнихъ тяжкихъ испытаній и отъ конечнаго разоренія; но въ эпоху другую, гораздо позднѣйшую, надѣюсь никто не упрекнетъ меня въ закоснѣлой любви къ крѣпостничеству, въ желаніи ставить выше народнаго, общаго блага мои жалкія, частныя и далеко не вѣрныя, даже не разсчетливыя выгоды. Тамъ, положимъ, предохранилъ я себя отъ бѣды, но здѣсь не захотѣлъ славы, отказался отъ всѣхъ ея обольщеній, даже и отъ такихъ, которыя впослѣдствіи оказались

корыстно выгодными для нѣкоторыхъ изъ ея соискателей. Итакъ, отлагая до времени мои объясненія, обращаюсь къ моей повѣсти за 18 годъ.

Все это лѣто провелъ я безвыѣздно въ Петербургѣ. Мнѣ, во-первыхъ, казалось недобросовѣстнымъ на первомъ же году службы, хотя и бесполезной, безъ крайней нужды проситься въ отпускъ, а, во-вторыхъ, хотѣлось ознакомиться съ нашей сѣверной столицей и ею полюбоваться въ лучшее ея время года. Ужъ подъ конецъ зимы находилъ я особенное удовольствіе ходить пѣшкомъ по красивымъ ея набережнымъ и по Невскому проспекту, который съ 2 до 4 часовъ становился мѣстомъ ежедневной прогулки всего моднаго городского населенія. Императоръ Александръ имѣлъ самъ обыкновеніе ежедневно часу въ первомъ дѣлать свой кругъ прогулки, выходя изъ дворца на Адмиралтейской бульварѣ, потомъ шелъ по Англійской набережной и по Фонтанкѣ мимо Аничкова и другихъ мостовъ къ Прачечному и возвращался къ себѣ по Дворцовой набережной. На такую прогулку, которая составляла по крайней мѣрѣ верстъ 8, надо было до $1\frac{1}{2}$ часа времени. Я всегда отъ самого приѣзда въ Петербургъ находилъ неизѣянснное удовольствіе встрѣчаться съ благодушнымъ Государемъ, любоваться его кроткой и привѣтливой наружностью. Чтобы сколько возможно чаще пользоваться этимъ невиннымъ и безотчетнымъ наслажденіемъ, я выбралъ для моего круга прогулки противное направленіе, и мнѣ очень часто удавалось встрѣчать Его Величество на узкой набережной Фонтанки. Меня, кажется, принималъ онъ за молодого иностранца изъ какой-нибудь купеческой конторы и раза два, когда я сходилъ съ узкой набережной, чтобы дать ему болѣе мѣста, онъ мнѣ въ полголоса го-

ворилъ: «Merci, ne Vous dѣrangez pas», или что-нибудь подобное. Ежедневная прогулка пѣшкомъ по широкимъ тротуарамъ набережной, ежедневно и обильно посыпаемымъ пескомъ, была въ обычай у всѣхъ Петербуржцевъ, и каждый москвичъ въ этомъ отношеніи отдавалъ Петербургу безспорное преимущество передъ своимъ роднымъ городомъ. Когда въ серединѣ весны, обыкновенно въ апрѣль, начиналось вскрытие величественной Невы, и по ней шли громадныя льдины, зреющище этой великолѣпной рѣки приводило меня въ восторгъ; жаль, что въ это время обыкновенно послѣ долгихъ солнечныхъ дней при легкихъ морозахъ начинались холодные вѣтры, а небо покрывалось сѣрыми, свинцовыми тучами. Дней черезъ десять отъ первого вскрытия проходили по Невѣ льдины съ Ладожскаго озера, сообщеніе съ Петропавловскою крѣпостью и предмѣстьями столицы, т.-е. Петербургской и Выборгской стороной, на нѣсколько дней совершенно прекращалось, а потомъ до наведенія мостовъ черезъ Неву совершалось на небольшихъ лодочныхъ перевозахъ, или на наемныхъ, вместо извозчиковъ, ялботахъ и небольшихъ катерахъ. Все это было ново для меня, уроженца Москвы, которому наша рѣчка того же имени казалась сравнительно жалкой и бѣдной. Къ концу апрѣля или въ началѣ мая по вторичномъ и окончательномъ очищенніи Невы сперва показывались на ней большія суда, прежде наши съ Ладожскаго канала, потомъ и иностранные небольшіе купеческіе корабли съ Кронштадта, которые причаливали у красивой биржевой площади. Въ это-то время и благотворно растворялось настѣжь широкое, прорубленное Петромъ Великимъ «окно» изъ Россіи на Европу, и въ него вносились къ намъ всѣ неизчислимые блага западной

гражданственности. Начинались тогда же и тѣ длинные, долгіе лѣтніе дни, какими отличается Петербургъ; сперва ими радуешься, а потомъ и они, какъ безсонные ночи, инымъ надоѣдаютъ.

Ничѣмъ почти не занятый по канцеляріи кромѣ составленія по порученію начальника какихъ-то въ разныхъ видахъ вѣдомостей и отчетовъ, которыми я поневолѣ надоѣдалъ всѣмъ сослуживцамъ, начиная отъ правителя канцеляріи, отбирая отъ нихъ до самыхъ мелкихъ подробностей необходимыя для меня свѣдѣнія, и убѣдясь въ безполезности всего этого труда, я занимался имъ сколько возможно менѣе. Времени у меня было много, общественныхъ обязанностей никакихъ, да онѣ вездѣ въ столицахъ прекращаются съ началомъ лѣта, когда и театры закрываются; и вотъ я началъ знакомиться съ Эрмитажемъ, музеями и всѣми другими достопримѣчательностями Петербурга. Кикинъ съ своей стороны, желая пробудить меня отъ подозрѣваемой имъ во мнѣ апатіи, понукалъ меня на подобные осмотры, снабжалъ билетами и особенными позволеніями обозрѣть то одно, то другое какое-нибудь казенно-общественное и даже частное собраніе, или же какое-нибудь благотворительное заведеніе. Я долженъ былъ пересмотрѣть ихъ всѣ, потому что онъ приставалъ ко мнѣ, чтобы я давалъ ему, такъ сказать, отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ. Врагъ всякаго насилия, я возненавидѣлъ почти всѣ безъ исключенія эти предметы любопытства, впрочемъ, достойнаго, точно такъ же, какъ возненавидѣлъ нѣсколько ранѣе Русскій театръ со всѣми его трагедіями и комедіями, операми, балетами и всѣмъ его персоналомъ потому только, что поставилъ себѣ въ какую-то глупую обязанность, будучи абонированнѣмъ на цѣлый годъ, бывать въ немъ часто. По

пересмотрѣ моемъ всего нужнаго и ненужнаго и по опустѣніи самаго города, откуда всѣ сколько-нибудь зажиточные жители разѣхались по дачамъ, началъ я гулять то въ лодкѣ, то въ моихъ дрожкахъ по островамъ и ближайшимъ окрестностямъ.

Въ это же время и вся семья Кикиныхъ переѣхала на свою прехорошенькую дачу на Каменномъ островѣ. Она содержалась въ отличномъ порядкѣ; все было въ ней безукоризненно чисто и опрятно, за каждымъ деревцомъ ходили какъ бы за рѣдкимъ тропическимъ растеніемъ, и педантство хозяевъ въ этомъ отношеніи доходило до того, что всѣ экипажи должны были останавливаться у вѣзда съ общей дороги на дачу, и нужно было приходить на довольно отдаленное крыльцо пѣшкомъ. Въ ненастное время только для дамъ и почетныхъ стариковъ дѣжалось исключеніе. За порядкомъ дачи наблюдалъ добросовѣстно великий по этой части пріятель Кикина, садовникъ англичанинъ Бушъ, который въ это время завѣдалъ каменноостровскимъ дворцомъ, где уединенно живалъ Александръ I, и въ то же время разводилъ императорскій паркъ на Елагиномъ островѣ, возлѣ Крестовскаго. Г. Бушъ былъ не простой садовникъ, а художникъ по части садоводства; у Кикиныхъ его любили и уважали, и онъ бывалъ у нихъ постояннымъ лѣтнимъ собесѣдникомъ. Скажу кстати, что въ этой семье почему-то предъ всѣми иностранцами особенно уважали англичанъ; ихъ, видно, любила Екатерина II, а у нея переняла и Марья Саввишна, другомъ коей особенно былъ лейб-медикъ Екатерины Рожерсонъ. Англичанинъ докторъ императора Александра часто у нихъ бывалъ, а домашнимъ врачомъ всей семьи и другомъ дома былъ тоже англичанинъ, престарѣлый докторъ Симсонъ, совре-

менникъ Рожерсона. Дамы его семейства, истыя острогитянки и очень въ своемъ родѣ красивыя, бывали у Кикиныхъ хотя и рѣдко, но всегда принимались съ дружелюбиемъ и почетомъ. Марья Артамоновна сама казалась англичанкой, говорила на этомъ языкѣ и любила его литературу.

Въ это лѣто, 1818 г., въ первый, кажется, разъ открыто было правильное пароходное сообщеніе съ Кронштадтомъ. Оно было частнымъ предпріятіемъ богатаго англійскаго негоціанта и вмѣстѣ с.-петербургскаго первой гильдіи купца Берта, который первый ввелъ пароходство въ Россіи и коему на его верфи и при его уже огромномъ заводѣ поручено было, какъ знатоку дѣла, исправленіе и наблюденіе за казенными пароходами. Первое небольшое двухчасовое мое путешествіе въ Кронштадтъ на бертовскомъ пароходѣ мнѣ очень понравилось, и я не одинъ разъ въ одиночку и съ пріятелями туда отправлялся. Только-что сядешь бывало на такой пароходѣ, и можешь уже себя считать не въ Россіи, а въ Англіи: отъ капитана до послѣдняго матроса и до служителя прибуфетѣ, а вѣроятно и повара,—все было передъ вами англійское. Отличная баанья, настоящая, а не наша неудачно подражательная котлета и выписной прямо изъ Англіи картофель съ различными тамошними сосями и краснымъ перцемъ и въ заключеніе славнаго завтрака англійскій красный сыръ или честеръ, *chester-cheese*, съ полбутылкой—либо мадеры, либо портвейна (къ сожалѣнію я никогда не могъ привыкнуть ни къ ale, ни къ портеру) были для меня исключительно рѣдкимъ гастрономическимъ услажденіемъ, а когда бывало останешься ночевать въ кронштадтской англійской тавернѣ, гдѣ за длиннымъ табль-д'отомъ на осо-

бенныхъ столикахъ обѣдали, а по-нашему, московскому, вѣрнѣе сказать—ужинали корабельный капитанъ и шкипера, и всякаго рода той же націи негоціанты и ихъ приказчики, гдѣ даже наши морскіе офицеры говорили больше по-англійски, чѣмъ по-русски, то васъ такъ и обхватывала со всѣхъ сторонъ всемогущественная въ Нептуновомъ царствѣ Великобританія. Она же, казалось, радушно приглашала насъ въ небольшую, въ родѣ корабельной каюты, чистенькую комнату съ такой постелью и всѣми ея принадлежностями, о какихъ вы и понятія не имѣли въ Москвѣ, да очень рѣдко могли встрѣтить и въ самомъ Петербургѣ. Мнѣ внушено было Кикинымъ осмотрѣть въ подробности и самый Кронштадтъ со всѣмъ его морскимъ устройствомъ, казенной и торговой верфью, огромной канатной и другими фабриками и заводами.

Разъ въ каждыя двѣ недѣли я непремѣнно этимъ лѣтомъ бывалъ въ Кронштадтѣ. Однажды моимъ спутникомъ туда былъ одинъ морской отставной офицеръ, нѣсколько менѣя старше, и предложилъ мнѣ переночевать въ тавернѣ и на другое утро послѣ англійского *luncheon* переплыть заливъ, чтобы осмотрѣть Ораніенбаумъ и уже оттуда возвратиться въ Петербургъ въ экипажѣ. Погода была тихая, ничто не предвѣщало сильныхъ вѣтровъ, тѣмъ менѣе бури. Купеческая гавань, защищаемая стѣнами отъ напора морскихъ волнъ, была спокойна, какъ бы на деревенскомъ пруду. Мы взяли небольшой катеръ съ однимъ рулевымъ и двумя гребцами и условились съ ними въ томъ, что они перевезутъ насъ за цѣлковый къ пристани Ораніенбаума. По прямой линіи между Кронштадтомъ и послѣднимъ всего считалось 7 или 8 верстъ, много, много часъ плаванія. Когда мы сади-

ки, Обресковой, была у нихъ еще одна сестра, Марья Федоровна Кикина, мать статсъ-секретаря, первого моего начальника по службѣ. Многочисленное потомство обоихъ братьевъ Ермоловыхъ населило всю Симбирскую губернію; отъ ихъ вышедшихъ въ замужество дочерей пошли тамъ и Топорнины, и Чемадуровы, и Тепляковы, и Филатьевы и, наконецъ, Языковы, на имени которыхъ съ удовольствіемъ можно остановиться. Поэтъ Языковъ, его старшій братъ Петръ, замѣчательный минералогъ, а также глубокій мыслитель про себя, мой пріятель Александръ Языковъ и сестра ихъ, жена поэта-богослова, Хомякова, суть лучшіе представители этого колѣна Ермоловыхъ. Надъ всѣмъ же этимъ родомъ гигантомъ высится родственный имъ всѣмъ, а поэтому и мнѣ, великий боецъ Бородина и Кульма, по преимуществу хитроумный, Алексѣй Петровичъ. (Совсѣмъ было забыть я сказать, что прямой потомокъ моихъ Ермоловыхъ есть теперешній губернскій симбирскій предводитель, Александръ Ивановичъ Ермоловъ).

Покончивъ съ многочисленнымъ племенемъ Ермоловыхъ, я долженъ теперь разсказать о семье моей матери. Бабушка моя, Анна Федоровна, жила въ Москвѣ въ большомъ почетѣ и уваженіи, и хотя имѣла весьма ограниченное состояніе, проживая всего 3000 р. въ годъ ассигнаціями, однако принимала весь городъ и лицъ самыхъ почетныхъ, для которыхъ за карточнымъ столомъ исключительно подавались восковые свѣчи, для всѣхъ прочихъ ставили на столъ сальныя. Старшаго моего дядю, ея сына, Александра Васильевича Обрескова, удалось мнѣ видѣть раза два—три въ моемъ дѣтствѣ. Всю свою жизнь провелъ онъ въ переѣздахъ съ одного мѣста на другое въ военной службѣ;

Дружелюбно расположенная лично ко мнѣ Анна Константиновна Кикина, первая изъ всѣхъ близкихъ наблюдательницъ, откровенно высказала мнѣ, что моя страсть къ двоюродной сестрѣ, вѣрнѣе сказать—ея ко мнѣ, не приведетъ настъ къ добру, что по нашимъ законамъ, тогда гораздо строже соблюдаємы, не жели теперь, и по обычаю бракъ между нами невозможенъ. Я убѣдился въ справедливости этихъ словъ, но сладить съ собой не могъ и изъ Москвы не выѣжалъ. Другъ мой Кикина въ это время страдала злюю чахоткой, которая развивалась въ ней быстро. Предчувствуя близкій конецъ, призвала она меня однажды раннимъ утромъ къ своей постели и съ невозмутимымъ спокойствіемъ объявила мнѣ, пораженному ужасомъ, что она черезъ недѣлю должна умереть. Меня это сильно взволновало и разстроило. Ея поучительная твердость духа меня однако успокоила; мнѣ никогда было ни ее разувѣрять, ни себя утѣшать, когда она тутъ же объявила свое желаніе, чтобы я составилъ формально духовное ея завѣщаніе. Чтобы облечь оное всѣми законными формами, я поѣхалъ за совѣтомъ къ прежнему моему профессору Николаю Николаевичу Сандунову. Этимъ актомъ, ею и свидѣтелями подписаннымъ, отдавала она все свое имѣніе не любимому ею мужу, открываясь передо мною въ томъ, что она сама передъ нимъ и дѣтьми много, много виновата. Поблагодаривъ меня за услугу, сказала она мнѣ уже почти умирающимъ голосомъ: «Теперь все со мною кончено, отъ тебя же требую я, чтобы ты сегодня или завтра непремѣнно уѣхалъ въ Петербургъ, не дожидаясь моей кончины. Тебя моя смерть разстроить, и сверхъ того я не желаю, чтобы ты былъ невольнымъ свидѣтелемъ».

меня часто повторяемыми болѣзнями припадками, погружая все мое нравственное существо въ безвыходную апатію. Въ первыхъ числахъ февраля и почти до половины апрѣля всего два—три раза удалось мнѣ подышать чистымъ воздухомъ. Наконецъ-то и у насъ, хотя все еще не вѣрится, наступаетъ весна, и наша рѣченка отъ льда, говорятъ, освободилась. Попробую продолжать мое длинное повѣстование.

Съ первого дня пребыванія моего въ Женевѣ смотрѣль я на этотъ городъ, самъ не знаю почему, какъ на мѣсто, мнѣ не совсѣмъ чужое, какъ бы предчувствуя, что вся эта горная страна сдѣлается мнѣ родною и на всю долгую жизнь будетъ для меня вторымъ отечествомъ. На другой день прїѣзда, проснувшись рано, вышелъ я изъ моей скромной комнаты въ Hôtel de Balance, непохожей на великолѣпныя швейцарскія гостиницы, отправился на почту и получилъ тамъ важные для меня письма изъ Россіи. Самое интересное письмо было отъ Вареньки Обресковой, которымъ извѣщала она меня съ неподдѣльною грустью о своей помолвкѣ за какого-то Г. Роста, сына давно умершаго московскаго профессора. Тетка Марья Васильевна и ея старшіе братья и сестры убѣдили её отказаться отъ надежды выйти за меня и увѣрили, что я веду себя въ отношеніи къ ней такъ, чтобы она сама отгадала несбыточность нашихъ предположеній. Я долженъ признаться, что все это отчасти было справедливо, но для вящшаго убѣжденія родные Вареньки выдумали на меня слѣдующій фактъ: будто бы я хлопочу черезъ Кикина о причисленіи къ нашей миссіи въ Константинополь и откладываютъ надолго возвращеніе въ Россію. Бѣдная дѣвушка долго противилась желаніямъ родныхъ, но наконецъ дала слово этому неизвѣстному мнѣ Г. Росту,

что начиналь и жить, и мыслить. Вотъ почему считаю не лишнимъ остановиться на этихъ Запискахъ Шишкова и дополнить мои собственные выписками изъ онъхъ. Дѣлаю я это потому, что послѣднія пять лѣтъ царствованія Александра I-го провелъ я за границей въ совершенномъ невѣдѣніи подробностей этихъ временъ, тѣхъ закулисныхъ причинъ всего, что тогда происходило и что съ недавняго времени становится всѣмъ болѣе или менѣе извѣстнымъ. Между прочимъ, прочитавъ сочиненія Шишкова, убѣдился я теперь и въ томъ, какъ должна была тогда испугать Кикина моя выходка, мой отвѣтъ Шишкову.

Въ самый день кончины императрицы Екатерины встрѣчаемъ мы во дворцѣ у ея гроба А. С. Шишкова, который искренно ее оплакивалъ. Предвидя всю капризную супровость новаго царствованія, онъ, слабый здоровьемъ, робкій по характеру, сначала избѣгалъ дѣятельной службы; но благопріятныя обстоятельства выводятъ его, флотскаго офицера, на видное и въ то же время опасное служебное поприще: сначала майоромъ отъ эскадры и вскорѣ потомъ генераль-адъютантомъ, и онъ почти нехотя становится приближеннымъ государя *).

Записки Шишкова обѣ этомъ времени чрезвычайно любопытны по ихъ безыскусственной и добродушной искренности. На каждой страницѣ видимъ его страхъ не навести на себя царскаго гнѣва, не погибнуть, и въ то же время видно, что при всемъ томъ

*) Императоръ Павелъ еще до этого назначенія, при раздачѣ деревень многимъ за одинъ разъ лицамъ, пожаловалъ Шишкову 250 душъ въ Новгородской губерніи. Сколько извѣстно, Шишковъ другихъ помѣстій не имѣлъ и всегда жилъ однимъ жалованьемъ. По назначеніи его государственнымъ секретаремъ получалъ онъ 12 тыс. руб. годового содержанія.